

Джек Лондон

Зов предков

Старинные, бродячие
стремленья,

Заглохшие в культуре, от
веков,

Вдруг вновь переживают
пробужденье

И дикий зверь выходит из
оков...

Назад к первобытности

Бэк не читал газет, иначе он знал бы о том, что беда надвинулась не на него одного, а на всех собак ньюфаундлендской породы, с сильными мускулами и теплой, длинной шерстью, от Пюджет-Саунда до Сан-Диего. Все оттого, что люди, пробираясь ощупью сквозь полярную мглу, вдруг набрали на желтый металл, а пароходные компании и транспортные общества немедленно оповестили об этой находке весь свет — и тогда, в надежде на богатую добычу, тысячи людей вдруг устремились на Север. Этим людям нужны были собаки — и собаки большие, с клыками, сильными мышцами и теплой пушистой шерстью для защиты от мороза.

Бэк жил в большом доме в обласанной солнцем долине Санта-Клара. Это поместье называлось «усадьбой судьи Миллера». Дом находился в стороне от дороги, полускрытый среди деревьев, сквозь листву которых виднелась широкая тенистая веранда, огибающая его с четырех сторон. Почти к самому дому подходили усыпанные щебнем дорожки, точно змейки, извивавшиеся по широким лужайкам между группами ветвистых, высоких тополей. Позади широко раскинулись различные службы: обширные конюшни, в которых все время возились чуть ли не двенадцать конюхов и грумов; ряды обросших диким виноградом домиков для служащих, бесконечная правильно распланированная вереница построек, виноградники, зеленеющие пастбища, фруктовые сады. Были там и приспособления для артезианского колодца, и огромный цементный водоем, в котором сыновья судьи Миллера купались каждое утро и освежались в знойные дни.

И над всем этим огромным поместьем властвовал Бэк. Здесь он родился и прожил все четыре года своей жизни. Конечно, тут были и

другие собаки. В такой обширной усадьбе не могли не быть другие собаки, но они в счет не шли. Они появлялись и исчезали, жили в конурах или же влачили ничтожное существование где-то в глубине дома, подобно Тутсу — маленькой японской собачке, или Изабель — совершенно лишенной шерсти крошке из Мексики. Эти собачонки редко высовывали нос на воздух и почти никогда не ступали лапками прямо на землю. Были здесь и фокстерьеры — даже целая их свора; они часами лаяли на Тутса и Изабель, решавшихся иногда выпянуть из окошка под защитой многочисленных горничных, вооруженных швабрами и половыми щетками.

Бэк не был ни комнатной, ни дворовой собакой. Все окружавшее было его царством. Он плавал в цементном бассейне или ходил на охоту с сыновьями судьи; он сопровождал дочерей судьи, Молли и Алису, в их прогулках в сумерки и ранним утром; в зимние вечера он лежал у ног судьи перед камином в библиотеке; он возил на спине внуков судьи, или кувыркался с ними на траве, или же сопровождал их в путешествиях, полных рискованных приключений, вплоть до конюшни и даже далее, где прыгали жабы через тропинки фруктового сада. С видом повелителя он разгуливал среди фокстерьеров и совершенно игнорировал Тутса и Изабель, ибо он был королем — королем над всем, что ползало, лежало и летало в пределах поместья судьи Миллера, включая и двуногих.

Его отец — Эльмо, громадный сенбернар — был в свое время неразлучным спутником судьи, и Бэк был призван заменить отца. Он не достиг громадной величины отца, весил только сто сорок фунтов, так как его мать была шотландская овчарка. Однако этого веса, — к которому надо прибавить еще и то чувство собственного достоинства, которое является следствием сытой жизни и всеобщего уважения, — было достаточно, чтобы позволять ему держать себя по-королевски. Все четыре года, с той самой поры, когда он был еще щенком, он прожил жизнь пресыщенного аристократа, был преисполнен гордости и отличался некоторой эгоистичностью, как это случается с помещиками, уединенно живущими в деревне. Но Бэка спасало то, что он не был на положении избалованной комнатной собачки. Охота и подобные ей другие развлечения на свежем воздухе не давали ему разжиреть и закаляли его мускулы. Кроме того, пристрастие к воде, как у всех пород, привыкших к холоду, было

прекрасным закаляющим средством и сохраняло ему здоровье.

Так жил Бэк до конца 1897 года, когда открытие золота в Клондайке потянуло людей со всего света на далекий, холодный Север. Но Бэк не читал газет и не знал к тому же, что дружба с Мануэлем, одним из помощников садовника, представляет для него некоторую опасность. У Мануэля был один большой порок — он любил играть в китайскую лотерею. Кроме того, у него была непобедимая слабость — вера в систему, и это неизбежно вело его к катастрофе. Чтобы играть по системе, нужны деньги, а его жалование помощника садовника едва покрывало нужды его жены и многочисленного потомства.

В памятный день предательства Мануэля судья был на собрании общества виноделов, а мальчики, как нарочно, были заняты организацией спортивного клуба. Никто поэтому не заметил, что Мануэль и Бэк отправились на прогулку (так по крайней мере представлял себе Бэк) за фруктовый сад. И, за исключением одного человека, никто не видел, как они прибыли на полустанок, известный под названием Колледж-парк. Этот человек поговорил с Мануэлем, и затем послышался звон передаваемых монет.

— Мог бы завернуть товар перед тем, как давать его покупателю, — угрюмо сказал незнакомец, и Мануэль два раза обернул шею Бэка под ошейником толстой веревкой.

— Затяни покрепче, тогда не вырвется, так у него перехватит дыхание, — заметил Мануэль, и незнакомец пробурчал что-то утвердительно.

Со спокойным достоинством Бэк дал надеть себе на шею веревку. Правда, это казалось необычным, но он привык доверять людям, которых знал, признавая их мудрость, превосходящую его собственную. Однако, когда конец веревки был передан незнакомцу, Бэк угрожающе зарычал. Он только намекнул на свое недовольство, по своей гордости воображая, что намекнуть — значит приказать. К его изумлению, веревка затянулась вокруг его шеи так, что у него прервалось дыхание. В порыве бешенства

он кинулся на человека, но тот на лету крепко стянул ему горло и ловким движением повалил на спину. После этого веревка безжалостно душила Бэка, пока он, высунув язык и со спертым в громадной груди дыханием, яростно боролся с человеком.

Никогда еще за всю его жизнь с ним так грубо не обращались, и никогда еще он не был так разгневан, как теперь. Но силы изменили ему, глаза закатились, и он уже ничего не сознавал, когда подошел поезд и два человека бросили его в багажный вагон.

Очнувшись, он смутно ощутил боль в языке и то, что его подкидывало в каком-то странном двигавшемся помещении. Хриплый свисток паровоза на разъезде объяснил ему, где он находится. Он слишком часто путешествовал с судьей, чтобы не знать ощущений езды в багажном вагоне. Он открыл глаза, и в них загорелся неудержимый гнев властителя, попавшего в плен. Человек бросился к нему, чтобы схватить его за горло, но Бэк оказался проворнее. Его челюсти мертвой хваткой вцепились ему в руку и не отрывались до тех пор, пока он снова не лишился сознания, придушенный веревкой.

— Да-с, припадочки, — сказал незнакомец, пряча свою искусанную руку от проводника, которого привлек шум схватки. — Вот везу его по поручению хозяина в Сан-Франциско. Какой-то тамошний собачий доктор будто бы берется его вылечить.

В тот же вечер в маленькой задней комнатке кабачка в Сан-Франциско этот человек говорил более красноречиво:

— Только пятьдесят и получил, — ворчал он. — Честное слово, теперь и за тысячу наличными не согласился бы!

Рука его была обернута окровавленным платком, а правая штанина разодрана от колена до щиколотки.

— А тот, другой-то дурак, сколько получил? — спросил содержатель кабачка.

— Сто, — последовал ответ. — «Меньше не возьму», — говорит, черт бы его побрал!

— Итого, значит, сто пятьдесят, — подвел итог содержатель кабачка. — А собака стоит того. Хорошая собака!..

Вор развернул окровавленный платок и посмотрел на свою израненную руку.

— Только бы не бешеная, — сказал он.

— А если бешеная!.. Все равно от бешенства не умрешь, тебе на роду написано умереть на виселице, — засмеялся кабатчик и добавил: — Лучше помоги-ка мне пока что...

Измученный, с невыносимой болью в горле и на языке, полуживой, Бэк все-таки попытался достойно противостоять своим мучителям. Но при каждой попытке к сопротивлению его бросали на пол и душили.

Наконец им удалось стащить с его шеи тяжелый медный ошейник. Потом с него сняли и веревку и бросили его в деревянный ящик, похожий на клетку.

Там он и пролежал весь томительный остаток ночи, не находя себе покоя от гнева и оскорбленной гордости. Он никак не мог понять, что все это значило. Чего им нужно, этим чужим людям, от него? Почему они держат его взаперти в этой тесной клетке? Он не мог объяснить себе всего этого, но его удручало смутное предчувствие грядущей беды.

Ночью, когда отворялась дверь кабачка, он несколько раз вскакивал, ожидая, что войдет судья или явятся мальчики. Но каждый раз к нему склонялось жирное лицо кабатчика, который навещал его с сальной свечкой в руке. И каждый раз радостный лай, с которым Бэк готовился встретить своих хозяев, сменялся разочарованным диким рычанием.

Но кабатчик его не трогал. Утром вошли четверо каких-то людей и

подняли клетку.

«Еще мучители...», — подумал Бэк, потому что увидел подозрительных людей, лохматых и оборванных. Он яростно бросался на них через прутья клетки, бесновался и громко лаял. Они смеялись и тыкали в него палками, которые он хватал и грыз, пока, наконец, не понял, что этого они и добивались. Тогда он угрюмо улегся и не сопротивился, когда клетку стали ставить на повозку. После этого и сама клетка, и ее пленник начали переходить из рук в руки. Сперва им занялись конторщики в транспортной конторе, затем его протащили некоторое расстояние на другой повозке, далее какой-то экипаж повез его вместе с целой коллекцией ящиков и посылок на пароход, затем с парохода на какой-то большой вокзал и, наконец, опять погрузили в железнодорожный вагон, чтобы везти еще куда-то дальше.

Два дня и две ночи вагон мчался за взвизгивавшим паровозом, и двое суток Бэк ничего не ел и не пил. Разозленный, он встречал рычанием попытки проводников приласкать его, и они из мести стали его дразнить. Когда, дрожа от гнева и с пеной у рта, он бросался к прутьям, они над ним потешались и издевались: рычали и лаяли, как самые ужасные собаки, мяукали, хлопали в ладоши и кричали петухами. Он, конечно, знал, что все это глупо, но именно поэтому и считал эти обиды оскорбительными для своего достоинства. Гнев его все нарастал и нарастал. Голод его мучил не особенно сильно, но отсутствие воды заставляло страдать и доводило его ярость до предела. Он был собакой тонкой организации и большой чувствительности: от всех пережитых испытаний он заболел лихорадкой, осложнившейся воспалением распухших горла и языка.

Одно его утешало: не было на нем веревки. Она давала его врагам превосходство. Но теперь, раз ее нет, он им покажет! В другой раз им уже не удастся затянуть ему шею. Это он решил твердо и бесповоротно. Два дня и две ночи он ничего не ел и не пил и за это полное мучений время успел накопить такую злобу, что плохая встреча ждала того, кто первый к нему подойдет... Глаза его налились кровью; он превратился в разъяренного дьявола. Он так изменился за это время, что сам судья, наверное, не узнал бы его, и проводники вздохнули с облегчением, когда

сдали его, наконец, с рук на руки на конечной станции Сиятл.

Четыре человека опасливо пронесли его из фургона в маленький дворик, окруженный высокой стеной. Какой-то толстый человек в красном свитере с широким воротом вышел навстречу и расписался в книге у кучера в получении.

«Новый человек, новый мучитель», — решил Бэк и, дико зарывчав, бросился к прутьям клетки.

Человек в красном свитере насмешливо улыбнулся и принес топор и дубину.

— Неужели вы хотите его выпустить? — осведомился кучер.

— Ну разумеется! — ответил человек и подsunул под доску клетки топор.

Тотчас же все четыре человека, внесшие клетку, бросились врассыпную. Быстро вскарабкавшись на высокую стену, они приготовились со своего безопасного места смотреть на интересное представление.

Незнакомец начал рубить топором палки клетки.

Бэк вцепился в затрещавшее дерево, впился в него зубами, рычал, грыз. Где бы ни ударил топор снаружи, он с воем и ворчанием бросался сюда же с внутренней стороны. Он так же бешено старался выбраться из клетки, как, видимо, этого желал для него и человек в красном свитере. Только, в противоположность Бэку, человек был совершенно спокоен.

— Ну-ка, красноглазый черт! — сказал он наконец, когда отверстие увеличилось настолько, что могло пропустить Бэка.

В то же время он бросил топор и взял в правую руку дубинку.

Действительно, Бэк напоминал теперь красноглазого дьявола, весь съезжившись для того, чтобы поскорее выпрыгнуть. Шерсть у него встала

дыбом, изо рта шла пена, а в налитых кровью глазах горел безумный огонь. Бэк обрушился на человека всей тяжестью своих ста сорока фунтов — ста сорока фунтов чистой ярости и еще насыщенных накопившимися за эти двое суток напряженной страстью и жаждой мести. Но на половине прыжка, в то самое мгновение, как его челюсти уже готовы были схватить жертву, он получил такой удар, который на лету отбросил его. Щелкнув зубами от сильнейшей боли, он стиснул пасть, перекувыркнулся и ударился о землю боком и спиной. Его еще ни разу в жизни не били палкой, и он не понимал, в чем дело. С воем, в котором слышались и лай, и визг, он вскочил и взвился в воздух. И вновь на него обрушился удар, повалив его на землю. На этот раз он понял, что причиной всему этому была дубинка, но его безумная ярость уже не имела границ. Раз десять подряд он бросался вновь и вновь, но дубинка мгновенно подкашивала его и швыряла наземь.

После одного особенно жестокого удара он с трудом поднялся. Он был теперь слишком разбит для того, чтобы снова напасть на человека. Кровь текла у него из носа, пасти и ушей, вся его чудесная шерсть была испачкана кровавой пеной, а он сам едва держался на ногах и бессильно покачивался из стороны в сторону. Тогда человек в красном свитере подошел ближе и спокойно, размеренно нанес ему сокрушающий удар по носу. Вся прежняя боль, которую когда-либо испытывал Бэк, была ничтожной по сравнению с той, что он ощутил теперь. С ревом, напоминавшим львиное рычание, он опять бросился на человека. Но тот, переложив дубинку из правой руки в левую, спокойно схватил его за нижнюю челюсть и стал дергать его взад и вперед. Бэк описал в воздухе полный круг, потом еще полкруга и затем плашмя упал на землю.

В последний раз попытался он броситься на человека. Тот нанес ему невероятно мощный удар, точно приберег его напоследок. Бэк тяжело грохнулся о землю, потеряв сознание.

— А парень-то не дурак! — с восторгом воскликнул один из зрителей на заборе. — Справится с каким угодно псом!.. Молодчина!

— А по-моему, — ответил кучер, влезая на повозку и трогая лошадей, — лучше день и ночь бить камни, да еще и по воскресеньям, чем

так колотить животных.

К Бэку вернулось сознание, но не силы. Он лежал там, где упал, и следил глазами за человеком в красном свитере.

— Гм... Отзывается на кличку Бэк, — проговорил человек в красном, читая письмо, которым кабатчик извещал его о собаке в клетке. — Ну-с, Бэк, дружок, — продолжал он веселым тоном, — мы с тобой малость погорячились, но это ничего... Теперь самое лучшее, что мы с тобой можем сделать, это — оставить все, как оно есть. Ты теперь знаешь свою роль, а я — свою. Будь же хорошей собакой — и все пойдет как по маслу. А станешь баловаться, увидишь, что я дурь из тебя выколочу. Понял?

С этими словами он храбро погладил ту самую голову, которую только что немилосердно бил. Бэк невольно отпрянул от прикосновения его руки, но все же не протестовал. Когда человек принес ему воды, он охотно попил, а затем стал жадно пожирать громадный кусок сырого мяса из рук своего недавнего врага.

Он был побежден (это он понял), но воля его не была сломлена. Он узнал раз навсегда, что ему не одолеть человека с дубинкой. Он усвоил этот урок и до конца своих дней не забывал его. Дубинка была для него откровением. Она впервые ввела его туда, где царит первобытный закон, и он принял это как предупреждение. Жизнь открыла ему теперь свою жестокую сторону, и, хотя он был побежден, в нем стала пробуждаться природная звериная хитрость.

Шли дни, прибывали новые собаки: одни, как Бэк, в клетках, другие — на привязи; одни вели себя кротко и покорно, другие — яростно и злобно, как он вначале; и все они до одной на его глазах проходили через такую же выучку у человека в красном. Снова и снова повторялся для Бэка при каждом жестоком укрощении все тот же урок: человек с дубинкой — законодатель, хозяин, которому нужно подчиниться, хотя совсем не обязательно любить его. Бэк не дошел до того, чтобы заплядывать в глаза хозяину либо лизать ему руку, хотя и видел побитых собак, которые это

делали. Он видел также, что одна собака, которая не хотела ни смириться, ни подчиниться, была в конце концов убита в борьбе за первенство между человеком и животным.

Время от времени приходили незнакомые люди и кто возбужденно, кто лстыиво, на разный манер разговаривали с человеком в красном свитере. В их руках звенели деньги, и они уходили, взяв с собой одну или несколько собак. Бэк удивлялся, куда они уходили, потому что они никогда не возвращались, но страх перед будущим был так силен в нем, что он каждый раз радовался, когда выбирали не его.

Тем не менее дошла очередь и до него. Его судьбой оказался маленький худощавый человек, говоривший на ломаном английском языке и издававший восклицания, которых Бэк не мог понять.

— Черт возьми! — воскликнул он, когда его глаза остановились на Бэке. — Эта — корош собака! Теленок, не собака! А сколько?

— Триста! — с готовностью ответил человек в красном свитере. — Даром отдаю! А вам чего стесняться, Перро? Деньги-то ведь казенные!

Перро усмехнулся. Поскольку цены на собак вследствие невероятного на них спроса поднялись отчаянно, сумма, назначенная за такое прекрасное животное, не показалась ему слишком высокой. Канадское правительство ничего не теряло, а его почта должна была работать как можно скорее. Перро знал толк в собаках и с первого же взгляда понял, что Бэк — один на тысячу собак.

«Один на десять тысяч», — мысленно заключил он.

Бэк увидел, как деньги перешли от одного человека к другому, и не удивился, когда худощавый человек взял с собой его и добродушного ньюфаундленда Кэрли. Больше Бэк никогда не видел человека в красном свитере, а когда затем он вместе с Кэрли смотрел с палубы парохода «Нарвал» на удалявшийся Сиэтл, то это было его последним прощанием с теплым Югом. Перро свел его и Кэрли вниз и передал с рук на руки

черномазому великану по имени Франсуа. Перро был темноволосым канадцем французской крови, а Франсуа — метисом, вдвое смуглее, чем Перро. Они казались Бэку новой породой людей (ему суждено было увидеть еще много им подобных впоследствии), и, хотя он не чувствовал к ним абсолютно никакой симпатии, однако научился их уважать. Он быстро узнал, что Перро и Франсуа справедливы, спокойны, беспристрастны и слишком умны, чтобы позволить себе издеваться над собаками.

На палубе «Нарвала» Бэк и Кэрли увидели двух других собак. Одна была большим снежно-белым псом со Шпицбергена, которого в свое время вывез оттуда капитан китобойного судна и который потом сопровождал геологическую экспедицию в Баренс. Это был очень ласковый пес, но у него была предательская манера улыбаться в лицо и в то же время обдумывать какие-то козни. В первый же день он стащил у Бэка его мясо. Бэк бросился на него, чтобы его наказать, но в эту минуту Франсуа взмахнул хлыстом и ударил преступника. Бэку не оставалось ничего другого, как подобрать лакомую кость. Он решил, что поступок Франсуа свидетельствовал о его справедливости, и его уважение к метису возросло.

Другая собака не делала попыток к сближению, но и не пыталась воровать пищу у вновь пришедших. Это мрачное сдержанное существо твердо и определенно давало понять, что желает, чтобы его оставили в покое, и что плохо будет тому, кто захотел бы этот покой нарушить. Собаку звали Дэйв. Все время он ел и спал, позевывал и не проявлял ни к чему ни малейшего интереса. Даже в те часы, когда «Нарвал» проходил залив Королевы Шарлотты и качался по волнам, точно пьяный, когда Бэк и Кэрли волновались и чуть не сошли с ума от страха, Дэйв недовольно поднимал голову, достаивал их равнодушным взглядом, позевывал и снова засыпал.

День и ночь пароход содрогался от неутомимой работы винта, и, хотя дни были похожи один на другой, Бэку стало казаться, что постепенно делается все холоднее и холоднее. Наконец в одно утро движение винта прекратилось, и на пароходе началось необычайное оживление.

Как и остальные собаки, Бэк ясно почувствовал это и понял, что

предстоит перемена. Франсуа привязал всех собак на один ремень и вывел их на палубу. При первых же шагах по холодной земле лапы Бэка погрузились в какую-то белую, пушистую мякоть, которая была очень похожа на выкрашенную в белую краску грязь. Он с фырканьем подскочил и попятился. Такая же белая масса падала сверху. Бэк отряхнулся, но на него падали новые хлопья. Он с любопытством понюхал, потом лизнул эту мякоть. Она жгла, как огонь, и быстро исчезала на языке. Это удивило его. Он опять попробовал — с тем же результатом. Зрители рассмеялись, и ему стало стыдно, хотя он и не сознавал, почему именно. Он впервые увидел снег.

II

Закон дубины и клыка

Первый день, проведенный Бэком на берегу Дайе, показался ему кошмаром. Каждый час приносил что-нибудь неожиданное и бившее по нервам. Его внезапно вырвали из центра цивилизации и бросили в дикую первобытную страну. Не было прежней ленивой, зачарованной солнцем жизни, где он пил, ел, слонялся без дела и не знал, куда себя девать. Здесь не было ни мира, ни покоя, ни безопасности ни на одну минуту. Все находилось в состоянии непрерывного движения и деятельности, и каждую минуту грозила опасность. Была постоянная необходимость держаться настороже, так как здесь и люди, и собаки совсем не походили на городских собак и людей. Здесь жили дикари, все до одного не знавшие никаких законов, кроме закона дубины и клыка.

Бэк никогда не видел раньше, чтобы собаки дрались между собой так, как эти волкообразные существа, и первый опыт в этом отношении преподал ему незабываемый урок. Правда, он не был непосредственным участником этого опыта, иначе ему не пришлось бы в своей жизни воспользоваться полученным уроком. Жертвой оказался не он, а Кэрли. Все собаки собрались у барака, и Кэрли самым добродушным образом стала заигрывать с грубошерстной собакой, величиною с доброго волка, хотя и вдвое меньше, чем сама Кэрли. Предупреждения не было: быстрый, как вспышка магния, прыжок и металлический звук от щелканья зубами; затем прыжок назад — и морда Кэрли оказалась разорванной от глаза до пасти.

Укусить и потом отскочить — такова волчья манера драться, но дальше было еще хуже. Тридцать или сорок похожих на волков собак подбежали к месту происшествия и окружили дравшихся плотным молчаливым кольцом. Бэк не понимал ни этой молчаливой напряженности,

ни жадного их облизывания. Кэрли набросилась на соперника, который снова вцепился в нее и отскочил. Затем этот похожий на волка пес встретил грудью дальнейший наскок. Он использовал какую-то своеобразную ухватку, от которой Кэрли повалилась на землю, и ей уже не было суждено подняться на ноги. Как раз этого и ожидали наблюдавшие за дракой псы. С ворчанием и взвизгиваниями они сомкнули круг, и, заскулив в предсмертной агонии, Кэрли нашла свой конец под грудой навалившихся на нее мохнатых тел.

Все это произошло так быстро и так неожиданно, что Бэк в первую минуту растерялся. Он увидел Шпица, высунувшего свой крысиный язык как бы в приятной усмешке; увидел Франсуа, который, размахивая топором, бросился в середину свалки. Еще трое каких-то мужчин, схватив дубины, побежали к нему на помощь, чтобы разогнать собак. Продолжалось все это недолго. Через две или три минуты после того, как свалилась Кэрли, последний из нападавших был уже отогнан. Но Кэрли лежала на окровавленном примятом снегу, скрючившись, без движения, почти разорванная на части. Над ее трупом склонился метис и страшно ругался. Эта сцена потом часто тревожила Бэка во сне. Так вот оно как идет жизнь! Вот какова справедливость вообще! Раз тебя свалили, то ты, значит, погиб. Так ладно же! Бэк позаботится о том, чтобы никогда не оказаться сваленным! Шпиц снова высунул язык и засмеялся, и с этого момента Бэк возненавидел его горчайшей, смертной ненавистью.

Не успел Бэк оправиться от удивления, вызванного трагической гибелью Кэрли, как получил новый удар. Франсуа укрепил на нем целую комбинацию из ремней и пряжек. Это была упряжь, подобная той, которую дома, у судьи, конюхи надевали на лошадей. Оказалось, что ему теперь нужно работать так, как работают лошади, которых, кстати сказать, он здесь не видел. Он стал таскать Франсуа на саних в лес, окаймлявший долину, и привозить оттуда дрова. Хотя он и считал оскорблением своего достоинства то, что его сделали упряжным животным, однако он был слишком мудр, чтобы выказывать неповиновение. Он безропотно освоился с упряжью и постарался тянуть как можно сильнее, хотя дело его и казалось ему первое время странным. Франсуа был строг, требовал немедленного повиновения и добивался его ударами кнута. Со своей

стороны и Дэйв, который оказался опытным коренником, при каждой ошибке со стороны Бэка покусывал его за задние ноги. Вожаком был бывалый Шпиц, и так как ему не всегда удавалось хватать зубами Бэка, он критически ворчал на него и старался направить его на след, умело перекидываясь то на одну сторону, то на другую, в зависимости от того, с какой стороны сбивался Бэк. Бэк же легко постигал все то, что от него требовалось, и при совместном руководстве своих двух товарищей и Франсуа делал поразительные успехи. Еще раньше чем они вернулись в первый раз обратно, он уже понял, что надо остановиться при крике «хо», идти вперед при команде «мут», откидываться на поворотах и держаться подальше от коренника, когда сани сами катились вниз под гору.

— Все три собаки удачные, — сказал Франсуа Перро. — Бэк тянет как черт. Я выучу его скорее скорого.

После обеда, так как надо было спешить с почтой, Перро привел двух новых собак. Это были два брата — Билли и Джо, оба — настоящие ездовые собаки. Хотя они и были сыновьями одной и той же матери, но отличались друг от друга, как день от ночи. Единственным недостатком Билли было его безграничное добродушие, в то время как Джо, напротив, всегда находился в кислом расположении духа и, видимо, был склонен к самоуглублению. Он все время ворчал, и в глазах его светилось что-то недоброе. Бэк встретил пришельцев по-товарищески, Дэйв игнорировал их, а Шпиц стал задирать сначала одного из них, потом другого. Билли сперва примирительно завил хвостом, потом пробовал убежать, когда убедился, что миролюбием не добьешься ничего, и, наконец, когда острые зубы Шпица впились ему в бок, принялся плакать, все еще добродушно. Но, когда дело дошло до Джо, Шпиц мог угрожать ему сколько угодно: Джо все время резко оборачивался и оскаливал зубы. Шерсть у него ошетикивалась, уши прижимались назад, на губах появлялась пена, зубы щелкали, и глаза так дьявольски сверкали, что он казался воплощением воинствующего ужаса. Его вид был до того страшен, что Шпицу пришлось отказаться от мысли припугнуть его. Чтобы отомстить ему за свое поражение, он опять накинудся на безобидного и все еще скулившего Билли и загнал его куда-то далеко от привала.

К вечеру Перро купил еще одну собаку — старого, щетинистого, длинноногого, сухопарого пса с мордой, покрытой шрамами от многих драк, и с единственным глазом, в котором, однако, сверкало громадное мужество, вызывавшее уважение. Собаку эту звали Соллекс, что значит «Сердитый». Как и Дэйв, она не просила ни о чем, ни в чем не уступала и ничего не ждала; и когда она решительно и не торопясь вошла в свою новую компанию, то даже Шпиц понял, что тут уж приставать нечего. Соллекс имел одну особенность, которую первый открыл, на свою беду, Бэк. Он не любил, чтобы к нему подходили со стороны его слепого глаза. Бэк, ничего не подозревая, оскорбил его, зайдя не с той стороны, и тотчас же убедился в своей оплошности, так как Соллекс мгновенно накинулся на него и прогрыз ему плечо на три дюйма до самой кости. С той поры Бэк остерегался подходить к нему со слепой стороны, и их дружба уже до конца ничем не омрачалась. Видимо, единственное, чего желал этот пес, как и Дэйв, — чтобы его оставили в покое, хотя Бэк впоследствии и убедился, что у них была еще весьма существенная особенность.

Бэк в первую ночь столкнулся с большим вопросом: где спать? Освещенная свечкой палатка уютно манила к себе среди необозримой белой равнины. Когда он, нисколько не сомневаясь, что будет спать вместе со своими хозяевами, вбежал в нее, то оба, и Перро, и Франсуа, накинулись на него с криками, и стали бросать в него всем, что попало под руку, пока Бэк не оправился, наконец, от охватившего его смущения и не выбежал со стыдом и позором на холод. Дул резкий ветер, который пронизывал его насквозь и особенно жестоко впивался в раненое плечо. Он лег на снег и попытался заснуть, но мороз скоро поднял его на ноги. Жалкий, беспомощный, он стал блуждать около других палаток, но повсюду было холодно. То там, то здесь на него насакивали одичавшие собаки, но он ощетинивался и рычал (он этому скоро научился), и они не решались его тронуть.

В конце концов Бэк сообразил. Надо было посмотреть, как устроились его товарищи по упряжке. К своему удивлению, он заметил, что все они исчезли. Опять он пошел бродить по обширному лагерю и опять вернулся ни с чем. Может быть, они в палатке? Нет, этого не могло быть, иначе и его не прогнали бы оттуда. Но тогда где же они? Опустив

хвост, дрожа всем телом и чувствуя себя глубоко несчастным, он стал бесцельно бродить вокруг палатки. Вдруг снег провалился у него под передними лапами, и он стал куда-то погружаться. Что-то теплое зашевелилось у него под лапами. В страхе перед невидимым и неведомым, он с фырканием и рычанием отпрянул. Но донесшееся до него короткое, дружелюбное твяканье успокоило его, и он опять подошел к тому месту, чтобы посмотреть, в чем дело. Струя теплого воздуха коснулась его ноздрей, и вот под снегом, свернувшись калачиком, лежал у его ног Билли. Он ласково заскулил, слегка даже взвизгнул и тотчас же заерзал в снегу, выказывая Бэку приятельское расположение и добрые намерения, и даже лизнул его теплым, влажным языком в морду, чтобы расположить его к себе.

Еще урок: так вот как собаки справляются здесь с холодом! Бэк доверился этому наглядному обучению и, выбрав местечко, с большими усилиями и ненужным напряжением стал выкапывать для себя в снегу яму. Она тотчас же наполнилась теплом от его тела, и он сладко заснул. День был длинным и утомительным, и Бэк спал хорошо и крепко, лишь время от времени лая и ворча во сне от посещавших его тяжелых сновидений.

Бэк проснулся только тогда, когда слышались шорохи пробуждающегося лагеря. Сперва он не сообразил, где находится. Всю ночь шел снег и совершенно завалил его. Снежные стены давили на него со всех сторон, и вдруг его обуял безграничный страх, какой обыкновенно испытывает всякий зверь, попавший в западню. Этот испытанный им страх был первым признаком того, что он начинает возвращаться к жизни своих далеких предков, так как, будучи цивилизованной, а может быть, и не в меру цивилизованной собакой, он совершенно не знал, что такое западня и что значило в нее попасть. Все его мышцы спазматически и инстинктивно напряглись, шерсть на шее и плечах встала дыбом, и с диким воем, разметав вокруг себя искрившийся снег, он выскочил наверх, в простор яркого дня. Еще не отходя от своей ямы и только увидев перед собой широкое снежное поле, он сразу сообразил, где находился, и припомнил все, что произошло с ним со времени его прогулки с Мануэлем вплоть до вчерашнего вечера, когда он вырыл себе эту нору в снегу.

Крик Франсуа приветствовал его появление.

— Что я говорил? — воскликнул он, обращаясь к Перро. — Этот Бэк все узнает сам, и скорее всех.

Перро серьезно кивнул в знак согласия. В качестве курьера канадского правительства, с обязанностью перевозить важные бумаги, он очень заботился о том, чтобы приобретать самых лучших собак, и был теперь очень доволен, что удалось купить Бэка.

В какой-нибудь час к запряжке были присоединены еще три собаки, так что всего их оказалось девять. А еще через четверть часа сани уже быстро катили по дороге к Дайе. Бэк радовался этой поездке, и, хотя работа оказалась тяжелой, он не прочь был потрудиться. Его поразил пыл, с каким собаки мчали сани, и этот пыл передался ему; но еще более удивила его перемена, происшедшая вдруг в Дэйве и Соллексе. Казалось, упряжь их переродила. Пассивность и равнодушие к жизни исчезли. Собаки ожили, стали деятельными, подвижными, заботились только о том, чтобы все шло хорошо, и страшно раздражались, когда происходила задержка или какое-нибудь замешательство, из-за которых сани останавливались. Труд, который они вкладывали в дело, казался подлинной сущностью их бытия. Только для него одного как будто они и существовали, только в нем одном и находили счастье.

Бэка поместили между Дэйвом и Соллексом, чтобы он постоянно находился под их опекой. Он оказался очень способным учеником, а они были хорошими учителями, никогда не позволявшими ему ошибаться и подкреплявшими свои уроки острыми зубами. Дэйв был справедлив и рассудителен: он никогда не кусал Бэка без причины, но никогда не упускал случая цапнуть его, когда требовалось. Удары кнута Франсуа научили Бэка тому, что подчиняться безусловно выгоднее, чем противиться. Однажды во время короткой остановки Бэк запутался в постромках и задержал отправление. Дэйв и Соллекс совместно налетели на него и проучили как следует. Путаница сделалась от этого еще сложнее, но с тех пор Бэк стал стараться не путать постромки, и не прошло дня, как он уже так хорошо справлялся с работой, что его соседям по упряжке не за что было

наказывать его своими зубами. Кнут Франсуа стал щелкать над его головой все реже и реже, а Перро даже почтил Бэка тем, что внимательно осмотрел его лапы.

Дневной переход оказался очень тяжелым: они шли вверх по ущелью, прошли через Овечью равнину, мимо Весов и северной границы леса, через ледники, сугробы и глубокие пропасти и, наконец, поднялись на великий Чилкутский водораздел, который тянется между бассейнами пресной воды и морем и, как верный страж, охраняет подступы к унылому, пустынному Северу. Они быстро промчались по льду ряда озер, наполняющих своей водой кратеры потухших вулканов, и поздно ночью прибыли в огромный лагерь, расположенный у озера Беннет, где тысячи золотопромышленников строили лодки в ожидании весеннего разлива. Бэк вырыл себе нору в снегу и уснул в ней сном измученного праведника, но рано утром его подняли на ноги и опять вместе с другими собаками запрягли в сани.

В этот день они прошли сорок миль, так как мчались по накатанной дороге, но на следующий день и в течение еще многих дней им пришлось прокладывать себе по снегу свежий след, работа стала тяжелее, и движение замедлилось. Перро обычно шел впереди собак, утапывая и намечая путь на лыжах, а Франсуа, направлявший ход собак посредством длинного шеста, иногда менялся с ним ролями. Перро торопился и, кроме того, гордился своим знанием льда, которое было действительно необходимо, так как лед был ненадежен, а там, где течение было быстрым, и вовсе отсутствовал.

День за днем — казалось, конца не будет их бесконечной веренице, — Бэк тянул свои постромки. Привал делали обычно только вечером, когда уже становилось темно, а чуть начинало брезжить утро, сани были уже в пути, оставляя позади себя на несколько миль свежий след. Собак кормили только раз в сутки, с наступлением темноты; они съедали по куску рыбы и забирались спать под снег. Бэк был страшно прожорлив; он не мог удовлетвориться своим дневным пайком в полтора фунта сушеной лососины и беспрерывно страдал от голода. Между тем остальные собаки вследствие своего меньшего веса и того, что родились

для такой жизни, получали всего по одному фунту рыбы и чувствовали себя превосходно.

Бэк скоро позабыл о том, как был разборчив в пище, когда жил у себя дома на Юге. Поскольку он привык есть не спеша и смакуя каждый кусочек, ему скоро пришлось убедиться в том, что его товарищи нарочно спешили окончить свой обед, чтобы затем стащить у него остатки его порции. Защитить свою пищу было невозможно: когда он отнимал пищу у двоих или троих, она уже исчезала в горле у третьего или у четвертого. Чтобы выйти из положения, он научился есть так же быстро, как и остальные собаки. Впрочем, к этому в значительной степени его побуждал и голод. Тот же голод соблазнял его стащить у кого-нибудь то, что плохо лежало. Он следил за этим и ждал случая. Однажды он увидел, что хитрый и вороватый Пайк, один из недавно купленных псов, стащил у зазевавшегося Перро ломтик поджаренного сала. На следующий же день Бэк повторил этот маневр, схватил целый кусок и удрал. Поднялась суматоха, но на него не пало и тени подозрения. За проступок Бэка поплатился неловкий Дэйв, который всегда попадался.

Эта первая кража ясно показала Бэку, как надо действовать, чтобы выжить в суровой обстановке Севера. Воровство дало ему понять, что необходимо приспособляться к новым условиям жизни, и, не будь у него этой способности к приспособлению, ему, вероятно, пришлось бы погибнуть мучительной смертью. Далее эта кража повела к тому, что его моральные понятия стали давать слабину, так как в непрестанной борьбе за существование они оказывались ненужным и вредным грузом. Они были нужны там, на Юге, где царил закон любви и дружбы; там нужно было уважать собственность и считаться с интересами других; здесь же, на диком Севере, где царил закон дубины и клыка, всякий, кто стал бы считаться с такими пустяками, неизбежно прослыл бы за дурака, а если бы продолжал придерживаться их, то потерял бы всякую надежду на успех.

Конечно, Бэк не сознавал всего этого. Ему надо было только приспособляться, не более; и он бессознательно приспособлялся ко всем обстоятельствам новой жизни. С самого начала, невзирая на неравенство сил, он не избегал борьбы. Но дубина человека в красном свитере

вколотила в его сознание более основательный и упрощенный взгляд на вещи. Прежде, будучи культурной собакой, он мог бы положить жизнь за моральные ценности — например, хотя бы за то, чтобы защитить хлыст судьи Миллера от посягавших на него воров, — теперь же его полное раскрепощение от цивилизации явно доказывалось способностью отвергать всякие моральные принципы и думать только о собственной шкуре. Он крал не из любви к искусству, а по настоятельному требованию своего желудка. Притом он воровал не открыто, а с осторожностью, тайком, опасаясь клыка и дубины. Словом, он поступал так, как было легче и выгоднее.

Его развитие (а может быть, и регресс) шло быстро. Его мускулы стали точно железные, и он потерял чувствительность к обыкновенной, не чересчур сильной боли. Он научился экономить силы, духовные и физические. Теперь он мог есть все что угодно, какой бы отвратительной и трудно переваримой ни была пища. Стоило ему только проглотить любую еду, как желудочно-кишечный сок уже переваривал все съеденное до малейшей питательной частицы и кровь разносила переработанную пищу до самых отдаленных концов его организма, вырабатывая из нее крепчайшую мышечную ткань. Его зрение и обоняние необыкновенно развились, а слух стал настолько острым, что даже во сне он слышал ничтожнейший шорох и умел разбираться в том, возвещает ли он безопасность или беду. Он научился зубами выкусывать лед, намерзший между пальцами, а когда ему хотелось пить — он знал, что нужно дробить передними лапами лед и под ним окажется вода. Но самой замечательной его особенностью было умение, набрав ноздрями воздух, определять за целую ночь вперед, какой будет на утро ветер. Как бы с вечера ни было тихо в воздухе, когда он рыл нору в снегу под деревом или на берегу, — если поднимался ночью ветер, то он всегда заставлял Бэка уютно свернувшимся в клубочек под хорошей защитой с подветренной стороны.

Но он постигал все это не только опытом, нет — в нем зашевелились давно умершие инстинкты. Отпадало то, что было унаследовано им от поколений прирученных предков. Он как бы стал теперь смутно припоминать давно прошедшие времена всего своего вида, когда дикие стаи собак еще бродили по девственным лесам и отыскивали

добычу. Для него уже не составляло труда пускать в дело когти, зубы и короткую волчью хватку. Так ведь дрались и его забытые, далекие предки! Это они всколыхнули в нем старую жизнь, и бывшие приемы борьбы, запечатлевшиеся в наследственности вида, стали теперь его достоянием. Они пришли к нему без всякого зова с его стороны, как будто он и раньше владел ими. И когда в тихие, холодные ночи он поднимал морду к звездам и долго по-волчьи выл, то это были в нем его предки, обратившиеся ныне в пыль и прах, но когда-то поднимавшие морды к звездам и вывшие в продолжение тысячелетий так же, как и он. Приступы его тоски изливались в тех же звуках, которые означали извечную скорбь и то, как действовали всегда на собак тишина, холод и мрак.

И вот, точно в доказательство того, что жизнь — простая игрушка, в нем заговорили вдруг воспоминания о былом, и он вернулся к первобытным инстинктам, вернулся потому, что люди нашли на Севере желтый металл, и потому, что Мануэль был помощником садовника и получал жалованье, которого ему не хватало на жену и ребятишек.

III

Торжествующий первобытный зверь

Оказалось, что торжествующий изначальный зверь еще был довольно силен в Бэке, а при жестоких условиях жизни он с каждым днем пробуждался в нем все сильнее и сильнее. Но он не прорывался наружу. Возродившаяся хитрость заставляла его сдерживаться и не выдавать себя. Ему нужно было как можно скорее примениться к новым условиям жизни, иначе он не мог бы чувствовать себя спокойно, и потому он не лез первый в драку и вообще старался избегать всяких столкновений. Основной чертой его характера сделалась осмотрительность. Он не был склонен к быстрым и решительным действиям. Как ни была велика его ненависть к Шпицу, он сдерживал себя, спокойно уклоняясь от его придираков.

С другой стороны, может быть, чувствуя в Бэке опасного соперника, Шпиц никогда не упускал случая оскалить на Бэка зубы. Он нарочно сбегал со своей дороги, чтобы задеть Бэка, и все время только и думал о том, как бы затеять с ним драку, которая неизбежно должна была закончиться смертью одного из них. Такая схватка, может быть, и произошла бы между этими собаками, если бы неожиданная случайность не отвратила надвигавшейся на них беды. Однажды уже к вечеру сани остановились на жалкой и голой площадке у озера Ле-Барж. Поднялась метель, ветер обжигал, как раскаленное железо. Такая погода и затем быстро наступившая темнота поневоле заставили остановиться на первом попавшемся месте. Пожалуй, трудно было бы найти для стоянки что-либо хуже. Они остановились у отвесной скалы, так что Перро и Франсуа были вынуждены развести огонь и развернуть спальные мешки на льду озера. Свою палатку они оставили в Дайе, чтобы путешествовать налегке. Из нескольких сучьев они развели костер, который, однако, продержался недолго, так как растопил поверхность льда и погас, и им пришлось ужинать в темноте.

Бэк устроил себе логово под самой скалой. Там оказалось так тепло и уютно, что ему не хотелось вылезать оттуда, когда Франсуа стал распределять между собаками рыбу, предварительно согрев ее у костра. Но, когда Бэк съел свою порцию и вернулся, его помещение оказалось занятым. Предостерегающее рычание подсказало ему, что захватчиком был Шпиц. До сих пор Бэк избегал задевать своего врага, но это было уже слишком бесцеремонно. В нем проснулся и зарычал зверь. Он бросился на Шпица с бешенством, которое удивило их обоих, и в особенности Шпица, так как он до тех пор считал Бэка трусливой собакой большого веса и размера.

Удивился и Франсуа, когда оба пса вдруг выкатились, вцепившись друг в друга, из заветной норы, и тут же понял, из-за чего возникла драка.

— Валяй! Валяй его! — закричал он Бэку. — Покажи ему, подлецу, чтобы знал, как воровать! Хорошенько его!

Шпиц охотно вступил в бой. Он визжал от возбуждения и ярости, кружась вокруг своего соперника и намечая прыжок. Бэк проявлял не меньшее нетерпение и также стал описывать круги, чтобы получить превосходство при нападении. Но здесь произошло нечто неожиданное, что отложило их борьбу за первенство в долгий ящик, до неопределенного дня после многих миль совместного утомительного пути.

Проклятия Перро, звучный удар дубиной по чьей-то костлявой спине и острый крик боли возвестили о начале событий. Внезапно весь лагерь ожил, и повсюду появились морды голодных собак. Их было около четырех или пяти стай. Вероятно, почуяв, что вблизи остановились сани со съестными припасами, они прибежали сюда из какой-то ближайшей индейской деревни. Они подкрались незаметно, в самом начале драки между Шпицем и Бэком. Когда же Франсуа и Перро бросились на них с дубинами, они, в свою очередь, показали им зубы и приготовились к отпору. Запах съестного сводил их с ума. Перро увидел, как одна из собак уже засунула голову в ящик с припасами. Дубина тяжело ударила вора по ребрам, и припасы рассыпались по льду. Тотчас же целая стая голодных животных набросилась на вывалившийся хлеб и сало. Заработали дубины. Собаки визжали и выли под ударами, но не могли оторваться от еды и продолжали

бороться за нее до тех пор, пока, наконец, не съели последнюю крошку.

Тем временем упряжные собаки с изумлением повылезали из своих нор. Свирепые пришельцы набросились и на них. Бэк никогда не видел таких собак. Казалось, что вот-вот на них лопнет кожа и кости вывалятся наружу. Это были в полном смысле слова скелеты, обтянутые шкурой с облезшей шерстью. Глаза у них горели, с клыков стекала слюна. Безумие голода делало их ужасными и неодолимыми. Сопrotивляться им было невозможно. При первой же схватке упряжные собаки были откинuty к скале. На Бэка набросились сразу три диких пса, и в одно мгновение у него оказались раздранными морда и плечо. Произошла невероятная свалка. Билли по обыкновению визжал. Дэйв и Соллекс, истекавшие кровью от многочисленных ран, храбро сражались бок о бок. Джо кусался, как дьявол. Он вцепился в переднюю лапу какого-то подвернувшегося пса так, что не мог разжать челюстей, и прогрыз кость. Хитрец Пайк тут же набросился на этого калеку и положил его на месте. Бэк вцепился в какого-то слюнявого противника, вонзил ему в горло свои острые зубы и весь вымазался в его слюне и крови. Вкус теплой крови во рту разъярил его еще больше. Он набросился на другую собаку и в то же время почувствовал, что чьи-то зубы впиваются в его собственное горло. Это оказался Шпиц, предательски напавший на него.

Очистив около себя часть привала, Перро и Франсуа поспешили на выручку к своим собакам. Дикая лавина изголодавшихся животных откатилась, как только они появились, и Бэк стряхнул с себя своего врага. Но это было только на один момент. Оба человека должны были немедленно бежать назад, чтобы спасти хоть жалкие остатки продуктов, на которые опять набросились собаки. С мужеством отчаяния Билли кинулся напролом через самую гущу драки и помчался куда-то по льду. За ним по пятам ринулись Пайк и Дэйв, а затем бросились и все остальные ездовые собаки. Едва только Бэк собрался последовать их примеру, как заметил, что Шпиц приготовился броситься на него с очевидным намерением сбить его с ног. Если бы Бэк упал, то вся масса диких псов могла бы навалиться на него, и ему бы тогда уже не сдобровать. Но он дал Шпицу хороший отпор, и не прошло минуты, как он уже мчался со всех ног по льду за своими друзьями.

Через некоторое время все девять упряжных собак сошлись вместе и отправились в лес отыскивать для себя ночлег. Теперь их никто не преследовал, и тех ран, которые они получили в честном бою, было с них вполне достаточно. Каждая получила по крайней мере четыре или пять ран. А у некоторых ранения были довольно серьезные. Так, у Дэйва оказалась сильно поврежденной задняя нога, у новой собаки, Долли, — разодрана шея, Джо лишился глаза, а добродушный Билли горько оплакивал свое истерзанное в клочья ухо и голосил всю ночь напролет. На рассвете уставшие и не спавшие собаки, вернувшись к лагерю, увидели, что мародеры ушли, и испытали на себе дурное расположение Франсуа и Перро. Добрая половина продовольствия исчезла. Мало того, голодные собаки съели кожаные ремни на санях и даже брезент. Ничто, в самой отдаленной степени напоминавшее съедобное, не избежало их благосклонного внимания. Они сожрали подбитые оленьим мехом сапоги Франсуа, выгрызли из саней те места, к которым были прикреплены постромки, и съели половину кнута, которым Франсуа подгонял своих собак. Погонщик долго и грустно созерцал картину разрушения и, наконец, перевел глаза на своих израненных собак.

— Ах, друзья мои! — обратился он к ним ласково. — Ну что, если вы все от этих укусов перебеситесь?! Может быть, вы уже и бешеные? Как ты думаешь, Перро?

Курьер с сомнением покачал головой. До форта Доусона оставалось еще четыреста миль пути, и ему отнюдь не улыбалась перспектива водобоязни, которой могли заболеть его собаки. Через два часа, прошедшие в проклятиях и в крайнем напряжении, упряжь была, наконец, приведена в порядок, и, несмотря на боль от ран, собаки двинулись в путь по самой тяжелой его части до Доусона.

Тридцатимильная река, как оказалось, еще не замерзла. Бешеный поток воды смеялся над морозом, и лишь кое-где в затонах и в спокойных местах держался лед. Потребовалось шесть дней крайне изнурительного перехода, чтобы покрыть эти ужасные тридцать миль. Каждый шаг вперед совершался со смертельным риском для собак и людей. Перро несколько раз проваливался под лед и спасался только благодаря длинному шесту,

который он, не выпуская из рук, держал все время таким образом, чтобы при каждом провале под лед шест приходился поперек полыньи. Стояли сильные морозы, термометр показывал минус пятьдесят градусов по Цельсию, и каждый раз, когда Перро проваливался, он должен был, чтобы не простудиться, немедленно разводил костер и просушивать одежду.

Однако ничто не уstraшало его. За это бесстрашие он и был назначен правительственным курьером. Он шел на любой риск, решительно подставляя морозу свое маленькое, сморщенное лицо и отважно борясь с препятствиями буквально с раннего утра и до позднего вечера. Он, не колеблясь, огибал угрюмые берега по тонкому льду, который гнулся и трещал под ногами и на котором остановиться хоть на мгновение значило погибнуть. Раз провалились сани вместе с Дэйвом и Бэком, и, пока их вытаскивали, несчастные собаки чуть не захлебнулись и совершенно закоченели. Для того, чтобы спасти моментально обледеневших собак, пришлось тотчас же разжечь большой костер. Франсуа и Перро заставили их бегать вокруг костра так близко к огню, что несколько раз на них вспыхивала шерсть.

В другой раз провалился Шпиц, потянув за собой всю запряжку вплоть до Бэка, который догадался вовремя упереться лапами в скользкий край полыньи и не дал саням сползти в воду, хотя лед кругом трещал и прогибался. Бэку помог Дэйв, изо всех сил потянувший назад, а Дэйву — Франсуа, шедший позади саней и задерживавший их с таким напряжением, что слышно было, как у него захрустели кости.

Был еще случай, когда лед сломался и спереди, и сзади и уже не было другого спасения, кроме отвесной скалы, на которую необходимо было взобраться. Каким-то чудом Перро удалось вскарабкаться на нее, и об этом чуде как раз и молился в это время Франсуа. Мигом связали ремни, постромки и последние остатки упряжи в одну длинную веревку, и Перро втащил на ней по очереди всех собак на вершину скалы. Потом он потянул туда же сани и поклажу и, наконец, втащил и самого Франсуа. Затем пришлось искать место, по которому можно было бы опять спуститься на лед. В конце концов спуск нашли, при помощи все той же веревки спустились, и ночь застала путников опять на льду, в какой-нибудь

четверти мили от места происшествия.

К тому времени, как им достигнуть Хуталинкава, Бэк окончательно вымотался. В подобном же состоянии были и остальные собаки; но, чтобы наверстать потерянное время, Перро все-таки гнал их без передышки. В первый день они прошли тридцать пять миль до Большого Лосося; в следующий — еще тридцать пять миль до Малого Лосося; на третий день — сорок миль, и они оказались уже в окрестностях Пяти Пальцев.

Ноги у Бэка были не так упруги и крепки, как у местных собак. Они ослабели благодаря целому ряду прирученных поколений, начиная с того дня, когда его последний дикий прапрадед был укрощен каким-нибудь пещерным человеком или жителем свайных построек. По целым дням он мучительно хромал, а на стоянках валился с ног, как мертвый. Несмотря на мучивший его голод, у него иногда не было сил, чтобы подняться и взять свою порцию пищи, и Франсуа стал подносить ему ее. Этот погонщик, кроме того, каждый вечер чуть не по целому часу растирал ему лапы и, наконец, пожертвовал своими мокасинами, чтобы сделать мокасины для его четырех лап.

Это было большое облегчение для Бэка, и в одно утро даже морщинистое, бесстрастное лицо Перро расплылось в добродушную улыбку, когда Франсуа забыл надеть на Бэка эти мокасины и тот лег на спину, с умоляющим взглядом вытянув вверх все свои четыре лапы, и не двинулся с места до тех пор, пока не был обут. В дальнейшем, однако, его ноги закалились и окрепли, так что износившуюся обувь не жалко было и выбросить.

На стоянке у Пелли, как раз в то время, когда утром запрягали собак, вдруг взбесилась Долли. Это было тем более странно, что она до сих пор не проявляла ни малейших признаков болезни. Она дико, по-волчьи завывала, и у каждой из остальных собак от ужаса поднялась шерсть дыбом. Затем она стремительно бросилась прямо на Бэка. Он ни разу не видел бешеных собак и не имел никаких оснований бояться бешенства; тем не менее, он в паническом ужасе бросился в бегство. Он опрометью мчался по прямой линии, а Долли гналась за ним, вся в пене и тяжело дыша, в каких-

нибудь двух-трех футах от него. Настичь Бэка она не могла, так как страх удваивал его силы, но и он не мог убежать от нее: бешенство как бы окрыляло ее. Бэк нырнул в чащу лесного острова, выскочил с другой его стороны, перерезал какой-то пролив, загроможденный льдом, достиг другого острова, описал круг, чтобы вернуться поскорей к главному руслу реки, и уже в отчаянии стал пересекать и его. И все время, хоть и не оборачиваясь, он чувствовал за собой на расстоянии одного прыжка тяжелое дыхание Долли. Когда он был за четверть мили от лагеря, Франсуа позвал его, и он метнулся назад, все еще с бешеною погоней по пятам. Он уже с трудом дышал. Он выбился из сил. Вся его надежда была только на то, что Франсуа его спасет. А Франсуа держал наготове топор, и, когда, наконец, Бэк промчался мимо него, он раздробил топором голову безумной Долли. Едва переводя дух, беспомощный и измучившийся, Бэк остановился у саней.

Шпиц только того и ждал. Он подскочил к Бэку и два раза вонзил свои зубы в неспособного сопротивляться врага, укусив его до самой кости. Затем пошел в дело хлыст Франсуа, и Бэк с удовлетворением увидел, что Шпиц получил основательную порку, какой до сих пор еще не получала ни одна из упряжных собак.

— Вот дьявол, этот Шпиц! — заметил Перро. — Он когда-нибудь загрызет Бэка!..

— А Бэк зато — дьявол вдвойне, — возразил Франсуа. — Я все время слежу и теперь могу сказать наверное. Слушай: в один прекрасный день он разъярится, как черт, и слопает Шпица, а остаток выплюнет в снег. Ручаюсь. Я знаю!

С этого дня между двумя псами началась война. Шпиц, бывший до сих пор признанным вожакom и плавой упряжки, почувствовал, что его первенству угрожает опасность со стороны этой странной южной собаки. Это казалось ему непостижимым, так как из всех тех южных собак, которых он до сих пор знал, ни одна не проявила качеств, необходимых для упряжки и лагерной жизни. Все это были избалованные существа, которые гибли от непосильной работы, мороза и голода. Бэк оказался

исключением. Он покорно все переносил и процветал, превосходя обыкновенных ездовых собак в силе, дикости и хитрости. Кроме того, он был властолюбив, а дубина человека в красном свитере выбила из него заносчивость и опрометчивость, и это делало его особенно опасным противником. Им руководила теперь плавным образом хитрость, и он терпеливо, с настойчивостью дикаря в течение какого угодно времени мог выжидать счастливого случая.

Решительная схватка в борьбе за первенство неизбежно должна была состояться. Бэк жаждал ее. Он жаждал ее потому, что его как бы в тисках сжала та непостижимая гордость службы, которая заставляет собак издыхать на посту, побуждает их радостно мчаться в упряжи и разрывает им сердце на части, если их вдруг признают негодными и снимут с них упряжь. Эта гордость говорила и в Дэйве, заставляя его ценить свое место коренника; она же проявлялась и в Соллексе, когда он тянул сани изо всех своих сил; она же овладевала и всей сворой при отправлении с каждого места стоянки, точно по мановению волшебного жезла сразу превращая собак из мрачных и угрюмых зверей в неутомимые, усердные и самолюбивые существа; та же гордость вдохновляла их в течение целого дня и покидала их только по вечерам, на стоянках, когда они снова возвращались к неопределенному беспокойству и недовольству жизнью. Именно эта гордость и заставила Шпица высоко держать знамя вожака и кусать тех собак, которые запутывались в постромках или прятались по утрам, чтобы уклониться от работы. Только она, эта гордость, и побуждала его бояться Бэка, как своего возможного заместителя и будущего вожака. А к этому-то как раз и стремился Бэк.

Бэк открыто угрожал первенству Шпица. Всякий раз он неизменно становился при запряжке между ним и теми собаками, которых Шпиц собирался укусить. Он делал это вполне сознательно. Однажды утром, когда за ночь выпало много снега, хитрый Пайк куда-то спрятался и долго не появлялся. Оказалось, что он зарылся в глубокий снег. Напрасно Франсуа искал и звал его, Шпиц же одичал от злости. Он заметался по лагерю, всюду вынюхивая и роясь в каждом подозрительном уголке, и притом так рычал, что бедный Пайк дрожал в своем убежище от страха, как лист.

Но, когда Пайка, наконец, нашли и отрыли и Шпиц вдруг налетел на него, чтобы задать ему трепку, Бэк яростно встал между ними. Это было до такой степени неожиданно и так хитро задумано, что Шпица отбросило назад и сбilo с ног. Пайк, до той минуты трусливо дрожавший, сразу обрадовался началу открытого мятежа и набросился на своего поверженного жоака. Успев уже позабыть о всяких принципах благородного боя, Бэк также накинулся на Шпица. Но Франсуа, хотя слегка и посмеивался, глядя на этот маневр, однако не захотел уклониться от исполнения своих прямых обязанностей и изо всех сил стегнул бичом Бэка по спине. Поскольку и это воздействие не заставило Бэка оторваться от своего поверженного соперника, пошло в дело и кнутовище. Полуоплушенного Бэка оттащили в сторону, и на него посыпались новые удары, тогда как Шпиц основательно занялся многогрешным Пайком.

В последующие дни по мере приближения к Доусону Бэк все чаще и чаще стал вмешиваться в расправу Шпица с виновными, но теперь он проделывал это очень ловко, когда Франсуа не было вблизи. Скрытый бунт Бэка вызвал всеобщее падение дисциплины. Кроме Дэйва и Соллекса, остальные собаки вели себя с каждым днем хуже и хуже. Все пошло вкривь и вкось. Начались непрерывные драки и раздоры. Постоянно продолжались беспорядки, скрытой причиной которых являлся Бэк. С минуты на минуту Франсуа ожидал, что между двумя собаками произойдет борьба не на жизнь, а на смерть. Часто ночью, услышав, как ссорятся и грызутся другие собаки, он вылезал из своего спального мешка, опасаясь, что началась уже смертельная схватка между Бэком и Шпицем.

Но подходящего случая пока не представлялось, и в один из неприветливых вечеров они вступили в Доусон, так и не решив спора о первенстве.

Здесь оказалось великое множество людей и собак, и Бэк удивился, увидев их всех за работой. Видимо, здесь считалось в порядке вещей, чтобы собаки трудились. Целые дни их длинные упряжки двигались по улицам, и даже по ночам раздавался звон их бубенцов. Они возили доски и дрова, тянули тяжело нагруженные сани к приискам и исполняли всякую работу, которую в долине Санта-Клара проделывали лошади.

Время от времени Бэк встречал здесь и южных собак, но большинство составляли местные псы, похожие на волков и покрытые жесткой шерстью. Каждую ночь, регулярно в девять, двенадцать и в три, все собаки затягивали свою полуночную песнь — полный тоски и скорби вой, к которому с наслаждением присоединялся и Бэк.

При северном сиянии, холодно вспыхивавшем над головой, или при звездах, ярко мерцавших в морозном воздухе, когда земля цепенела, озябнув под своим снежным покровом, эта песнь собак могла показаться вызовом, брошенным самой жизнью, но минорные ее переливы, с тягучими воплями и стонами, скорее возносили жалобу на скорбь бытия и на мучительную работу. Это была старая песнь, такая же старая, как и сама собачья порода, — одна из тех первых песен юного мира, когда все песни были полны скорби. Она была насыщена страданиями бесчисленных поколений и той жалобой, которая так странно волновала Бэка. Он стонал от той же тоски, которая была тоской и для диких его предков, и от того же страха перед тайной холода и ночи, который и у них являлся перед той же тайной. И если Бэка теперь волновали отзвуки давно минувших дней и поколений, то это говорило только о том, как чутко он прислушивался сквозь века крови и огня к тем первейшим отзвукам жизни, которые доносились до него от эпохи древнего воя.

Через семь дней по прибытии в Доусон вся упряжка уже мчалась обратно вдоль Юкона к Дайе и Соленому Озеру. Перро вез обратно более срочные бумаги, чем те, которые переправил сюда; охваченный гордостью, что его считают опытным ездоком, он решил теперь покрыть годовой рекорд. Ему способствовало несколько обстоятельств: недельный отдых восстановил силы его собак и привел их в исправное состояние; оставленный ими след был накатан теперь другими обозами, которые ехали за ними; наконец, полиция устроила в двух или трех местах склады продовольствия для людей и собак, и, следовательно, можно было ехать налегке.

В первый день они добрались до Шестидесятой Мили, то есть сделали ровно пятьдесят миль; на другой день они уже поднимались вверх по Юкону и приближались к Пелли. Но такие большие перегоны

достигались не без ропота и раздражения со стороны Франсуа. Коварный бунт, поднятый Бэком, разрушил солидарность упряжки. Собаки уже не бежали так дружно, как прежде. Поощрение, которое оказывал Бэк бунтовщикам, подстрекало их на всякого рода мелкие проделки. Шпиц больше не представлял для них авторитета как вожак. Страх перед ним исчез, и все собаки теперь смело бросали ему вызов. Однажды ночью Пайк украл у него половину рыбы и благополучно съел ее, воспользовавшись защитой Бэка. В другой раз Дэйв и Джо искушали Шпица. Даже такой добряк, как Билли, стал терять свое добродушие и скулил менее жалобно, чем в прежние дни. Что же касается самого Бэка, то он уже никогда не подходил к Шпицу без того, чтобы не оштетиниться и не порычать. Вообще он отчаянно перед ним нахальничал. Ему, например, нравилось с вызывающим видом прогуливаться взад и вперед у самого носа Шпица.

Общее падение дисциплины отразилось и на отношениях собак между собой. Они стали теперь грызться до такой степени часто, что лагерь временами походил на воюющий бедлам. Только Дэйв и Соллекс не изменились, хотя и их, видимо, раздражали всеобщие свалки. Франсуа все время изрекал какие-то варварские ругательства, в тщетной ярости бегал за собаками по снегу и даже рвал на себе волосы. Все время его плетъ свистала в воздухе, но это приносило мало пользы. Едва только он поворачивался к ним спиной, как драка возобновлялась. Он отгонял от них своей плетью Шпица, а Бэк отгонял остальных собак. Франсуа, конечно, отлично знал, что причиной всех беспорядков был Бэк, а Бэк чувствовал, что Франсуа это знал. Но беда Франсуа состояла в том, что Бэк был слишком умен, чтобы быть пойманным на месте преступления. Он охотно работал в упряжи, так как тянуть лямку стало для него наслаждением; но в то же время ему доставляло еще большее удовольствие затевать между собаками драку так, чтобы перепутались все постромки.

Однажды вечером, после ужина, у устья Тэхкины Даб вспугнул полярного кролика, хотел его схватить и промахнулся. Через секунду вся свора была на ногах. В ста ярдах оттуда находилась станция Северо-Восточной полиции, при которой состояло около пятидесяти местных собак. Все эти псы присоединились к погоне. Кролик помчался вниз по реке, потом свернул вдоль русла замерзшего ручейка и поскакал напрямик.

Он легко прыгал по поверхности снежного покрова, тогда как собаки постоянно проваливались и выбивались из сил. Бэк вел за собой всю свору из шестидесяти собак и, как ни старался, все-таки кролика догнать не мог. Страстно повизгивая, он распластался в беге и при голубовато-белом свете луны выбрасывал свое великолепное тело вдогонку за кроликом. И так же, скачок за скачком, точно бледный призрак снегов, мчался впереди кролик.

Все то же брожение древних инстинктов, которое иногда гонит и людей из шумных городов в простор лесов и полей, чтобы посредством химических приемов и свинцовых шариков убивать там живые существа, — радость крови и веселие убийства, — сразу нахлынуло на Бэка, только в нем эти инстинкты проснулись с бесконечно большей силой и непосредственностью. И он мчался впереди стаи со страстным желанием схватить добычу, впиться зубами в тело и, загрызая жертву насмерть, теплой кровью омыть свою морду до самых глаз.

Находит иногда такой экстаз, который знаменует собой высшую точку жизни, высшее напряжение жизненных сил. И таков парадокс бытия, что этот экстаз охватывает существо, когда оно наиболее полно ощущает жизнь, и в то же время этот экстаз — полное забвение себя и всего окружающего. Такой экстаз, такое забвение жизни приходит к творцу, когда он вдруг забывает о себе и, подчиняясь охватившему его вдохновению, начинает творить. Приходит такой экстаз к воину, охваченному безумием битвы и отвергающему пощаду. Теперь он пришел и к Бэку, летевшему впереди стаи и издававшего волчий победный вопль. Экстаз охватил его бешеной жадью как можно скорее схватить живьем добычу, быстро убегающую от него при свете луны. Экстаз вырастал из самых глубин его существа, он рождался из той части его природы, которая была унаследована им от глубокой древности. Экстаз возвращал его к первоисточникам времени. Бэком владели теперь клочкотание жизни, таинственный прилив бытия, совершеннейшая радость, пронизывавшая каждый его отдельный мускул; он был преисполнен жизни, которая в нем была через край, и радости, претворившейся в восторженную скачку за кроликом под тихо мерцавшими звездами по мертвой, неподвижной поверхности снега.

Шпиц, даже в минуты высшего напряжения остававшийся холодным и расчетливым, отделился от стаи и побежал наперерез кролику по узкому полуострову, образовавшемуся благодаря излучине реки. Бэк не заметил этого и, все еще не выпуская из виду кролика и догоняя его, вдруг увидел другой белый призрак, гораздо больших размеров, который бросился на кролика с высоты нависшего берега. Это был Шпиц. Теперь кролик не мог уже увернуться, и белые зубы мгновенно вонзились ему в спину. Зверек закричал, как ребенок, громко и жалобно. А при этом звуке, при этом прощании с жизнью, которая вступила теперь в крепкую схватку со смертью, вся свора собак испустила дикий вопль восторга.

Не кричал только Бэк. Он не мог остановиться и налетел на Шпица, плечо к плечу, и притом так сильно, что не успел схватить его за горло. Они перевернулись в пушистом снегу раз и другой. Затем Шпиц вскочил первый и укусил Бэка за плечо. Его зубы дважды щелкнули, как стальной капкан, когда он отступил, чтобы приготовиться к новому прыжку. Пасть его оскалилась, он яростно рычал.

В одно мгновение Бэк понял: время настало. Схватка насмерть. И когда они кружились друг перед другом, рыча и закинув уши назад, выжидая благоприятного момента, чтобы вцепиться один в другого, вся эта сцена показалась Бэку давно знакомой. Словно он сразу припомнил все: и заиндевшие леса, и застывшую землю, и лунный свет, и эту дрожь перед боем. Над белой молчаливой равниной веяло призрачным спокойствием. В воздухе — ни малейшего ветерка, ни малейшего шороха прошлогоднего листа. В морозном воздухе медленно поднимался только пар от дыхания собак. Они давно уже расправились с кроликом, и теперь все эти плохо прирученные волки образовали кольцо, полное напряженного ожидания. Сидели молча, с горящими глазами и медленно исходящим от дыхания паром. В этой сцене давно прошедших времен Бэк не увидел ничего ни странного, ни нового. Все было так, как и тогда, как и всегда, — обычный путь явлений.

Шпиц был опытным бойцом. От самого Шпицбергена, через весь Крайний Север и Канаду вплоть до Баренса, он всюду отстаивал свои неотъемлемые права перед всякого рода собаками и всегда был первым. Его

ярость была жестокой, но не слепой. Охваченный страстью рвать и уничтожать, он никогда не забывал, что его противники должны были переживать то же самое, что и он. Он никогда не начинал атаки, если не знал, что готов выдержать ее сам, и редко нападал, не отразив предварительно нападения.

Напрасно Бэк старался вонзить зубы в шею белого пса. Куда бы ни попадали его клыки, их неизменно встречали клыки Шпица. Клык наталкивался на клык, губы были искусаны, но Бэку никак не удавалось застигнуть врага врасплох. Тогда он окружил Шпица целым вихрем внезапных наскоков. Снова и снова стремился он ухватить зубами его снежно-белое горло, где жизнь билась близко к поверхности, и каждый раз Шпиц кусал его и отскакивал назад. Тогда Бэк пустился на хитрость: делая вид, что намерен схватить Шпица за горло, он сразу отдергивал голову назад и затем, отогнув ее в сторону, с такой силой ударял плечом в бок Шпица, точно бил тараном. Он надеялся сбить врага с ног. Но вместо этого плечо самого Бэка всякий раз оказывалось искусанным, а Шпиц преспокойно отскакивал в сторону.

Бэк обливался кровью и тяжело дышал, тогда как Шпиц оставался невредимым. Положение Бэка начинало становиться отчаянным. Остальные псы в плубоком молчании ожидали момента, когда один из противников упадет, чтобы доконать его. По мере того как Бэк уставал, Шпиц переходил в наступление, и, теряя устойчивость, Бэк стал покачиваться на ногах. Один раз он даже упал, и весь круг из шестидесяти собак, точно по команде, вскочил вдруг с места, но Бэк быстро поднялся, и все кольцо опять опустилось на снег, застыв в ожидании.

У Бэка было одно незаменимое преимущество — воображение. До сих пор он дрался, руководствуясь инстинктом, но он мог пустить в дело и свой мозг. Он бросился на Шпица, точно желая повторить удар плечом, и вдруг притворно упал на снег, вцепившись зубами в переднюю левую лапу Шпица. Его челюсти сжались, послышался хруст ломавшейся кости, и белая собака осталась на трех ногах. Три раза подряд Бэк пытался сбросить врага наземь, затем повторил свой маневр и сломал ему правую переднюю ногу. Несмотря на невыносимую боль и беспомощность, Шпиц все еще

продолжал бешено бороться. Он видел молчаливый круг собак, их горевшие глаза, высунутые языки и серебристые облачка пара, тянувшиеся от их морд кверху. Круг постепенно сжимался, как и всегда при приближении гибели одного из бойцов, чему он был свидетелем в прошлом не один раз...

Но на этот раз побежденным оказывался он сам.

Для Шпица не оставалось надежды. Бэк был неумолим. Сострадание применялось там, где был более мягкий климат. Бэк приготовился к последней атаке. Кольцо сомкнулось уже до того, что он чувствовал на своих боках теплое дыхание собак. Он видел, как они со всех сторон подбирались к Шпицу и с какой алчностью были устремлены на него их глаза. Наступила пауза. Каждая собака вдруг замерла, точно превратилась в камень. Только Шпиц корчился и ощеривался, рыча и угрожая, точно стараясь этим испугать надвигающуюся смерть. Бэк мгновенно наскочил на врага и отскочил. Но этот короткий удар плечом был верным и последним. Темное кольцо сомкнулось в одну точку на озаренном луной снегу, и Шпиц исчез из виду. Торжествуя победу, Бэк стоял в стороне и смотрел на эту сцену. Воскресший в нем первобытный зверь совершил убийство и был этим доволен.

IV

Кто стал хозяином положения

— Ну, что я говорил? Ведь я правильно сказал, что в Бэке два дьявола! — так восклицал на следующее утро Франсуа, убедившись, что Шпица нигде нет, а Бэк весь в ранах. Он притянул Бэка к костру и при свете огня показал Перро раны собаки.

— Этот Шпиц дерется, как черт, — ответил Перро, осмотрев зиявшие раны Бэка.

— А Бэк дерется, как два черта, — продолжал Франсуа. — Ну, теперь дело пойдет на лад. Шпица нет, значит, и дракам конец.

Пока Перро упаковывал пожитки и нагружал сани, Франсуа принялся запрягать собак. Бэк уверенно подбежал к тому месту, которое занимал Шпиц в качестве вожака, но Франсуа, не обратив на Бэка внимания, подвел Соллекса, так как из всех оставшихся собак считал его для этой цели наиболее подходящим. Бэк с яростью накинулся на Соллекса, отбросил его и снова стал на место Шпица.

— Ну, что ты скажешь? — развел руками Франсуа и весело хлопнул себя по бедрам. — Посмотри на Бэка. Думает, раз он загрыз Шпица, то и его место должно перейти к нему. — Пошел прочь, дьявол! — крикнул он на Бэка, но тот не тронулся с места.

Франсуа взял Бэка за ошейник и, хотя пес грозно зарычал на него, оттянул его в сторону и снова поставил Соллекса на место. Старому псу это, видимо, не понравилось, и он отчетливо дал понять, что боится Бэка. Франсуа был настойчив, но, когда он повернулся спиной, Бэк снова заменил Соллекса без всякого сопротивления со стороны последнего.

Франсуа рассердился.

— Ну, я тебя прочучу! — воскликнул он, побежал и возвратился с дубиной.

Бэк вспомнил человека в красном свитере и нехотя отступил. Теперь он не пытался прогонять Соллекса, когда того снова водворили на место вожака. Он стал описывать круги вне пределов досягаемости дубинки, рыча от огорчения и досады и внимательно наблюдая, чтобы успеть вовремя увернуться, если Франсуа вздумает швырнуть в него дубинкой. Он уже основательно постиг значение дубинки.

Погонщик занялся своей работой и позвал к себе Бэка, когда пришла очередь поставить его на старое место перед Дэйвом. Бэк попытался на два или на три шага. Франсуа последовал за ним. Бэк отступил еще дальше. Когда эта церемония затянулась, Франсуа отбросил дубинку, думая, что Бэк боится ее. Но Бэк, видимо, взбунтовался открыто. Дело не в дубинке — он желал добиться места вожака. Это было его право. Он заслужил его и не успокоится до тех пор, пока его не получит.

На помощь Франсуа явился Перро. Битый час они возились с Бэком. Они бросали в него дубинками, бегали за ним. Но он ловко увертывался. Они проклинали его, его предков и его потомков, вплоть до самых отдаленных, не явившихся еще на свет поколений, проклинали каждый волос его шкуры и каждую каплю крови в его жилах. Но Бэк отвечал на всю их ругань глухим рычанием и всякий раз увертывался. Он не пытался бежать от них и все время кружился в пределах лагеря, ясно давая понять, что немедленно подойдет и будет вести себя хорошо, как только его желание будет исполнено.

Франсуа, наконец, выбился из сил, опустился на землю и почесал себе затылок. Перро посмотрел на часы и выругался. Время летело, и они уже опоздали с выездом на целый час. Франсуа еще раз почесал затылок, потом покачал головой, улыбнулся и бараньими глазами посмотрел на курьера. Тот пожал плечами в знак того, что признал себя побежденным. Тогда Франсуа отправился к месту, на котором стоял Соллекс, и кликнул

Бэка. Бэк засмеялся по-собачьи, но продолжал держаться на расстоянии. Франсуа растегнул на Соллексе постромки и отвел его на прежнее место. Теперь вся упряжка стояла в полной готовности, вытянувшись в одну линию и ожидая сигнала к отправлению. Для Бэка не оставалось другого места, кроме как впереди, — места вожака. Франсуа окликнул его еще раз, Бэк опять засмеялся, но не приблизился.

— Брось дубинку! — скомандовал Перро.

Франсуа подчинился, и Бэк, торжествующе смеясь, подбежал к упряжке и стал во главе ее, на место вожака. Мигом укрепили на нем постромки, отбили лед от полозьев саней, и, в сопровождении двух людей на лыжах, собаки весело побежали по льду вдоль реки.

Как ни высоко оценил Бэка погонщик, сказав, что в нем сидят два дьявола, но не склонился еще к закату день, как ему пришлось убедиться, что он недооценил его. Бэк мгновенно освоился с обязанностями вожака, и там, где требовались сообразительность и быстрое решение, он показал, что превосходит даже Шпица — лучшего вожака, которого когда-либо видел Франсуа.

Еще больше отличился Бэк как законодатель. Он строго следил за тем, чтобы его товарищи в точности исполняли все его требования. Дэйв и Соллекс ничего не имели против перемены вожатого. Это их не касалось. От них требовалось тянуть постромки изо всех сил — и они это исполняли. Поскольку им в этом не мешали, им было все равно. С их точки зрения, мог бы быть вожакom даже и добродушный Билли, лишь бы только он поддерживал порядок. Что же касается всех остальных собак, то за последние дни управления Шпица они так разбаловались, что теперь были весьма изумлены, когда строгий Бэк вдруг стал наводить свои порядки.

Запряженный как раз позади Бэка Пайк, обычно никогда не вкладывавший в свою работу ни на один золотник больше того количества сил, которое было строго необходимо во время езды, теперь стал получать от своего вожатого основательные потасовки. И не успел окончиться первый день, Пайк уже так старательно тянул постромки, как ни разу в

жизни. В первую же ночь должным образом был наказан и угрюмый Джо, чего до этой поры ни разу не удавалось Шпицу. Бэк задавил его своим громадным весом и кусал до тех пор, пока тот, перестав огрызаться, не запросил пощады.

Общий тон упряжки немедленно улучшился. Вернулась прежняя солидарность, и собаки теперь дружно тянули постромки как одна. У Кольцевых Стремнин Перро добавил к стае двух новых собак — Тика и Купу. Бэк с такой быстротой приспособил их к делу, что у Франсуа захватило дыхание.

— Никогда не было такой собаки, как Бэк! — воскликнул он. — Говорю тебе, никогда! За такого пса и тысячи долларов не жалко. А?.. Что ты скажешь на это, Перро?

Перро кивнул в знак согласия. Он уже наверстал потерянное время и теперь с каждым днем выигрывал все больше пути. Дорога была исключительная. Она была хорошо накатана и тверда; свежего снега, с которым пришлось бы возиться, все эти дни не выпадало. К тому же было не особенно холодно. Температура, упав до минус пятидесяти градусов по Цельсию, так и продолжала держаться. Люди по очереди то бежали на лыжах, то ехали на санях, а собаки неслись галопом, делая нечастые остановки.

Тридцатимильная река была теперь плотно одета льдом, и они перебрались через нее в один день, в то время как на путь туда на это потребовалось десять дней. Один раз им удалось сделать перегон в шестьдесят миль от озера Ле-Барж до порогов Белой Лошади. Семьдесят миль по озерам Марш, Тагиш и Беннет они пронесли так быстро, что тот из людей, чья очередь была бежать на лыжах, скользил за санями на буксире, держась за веревку. Наконец, в последнюю ночь второй недели сани, перевалив через Белый перевал, стали спускаться к берегу моря, и впереди замерцали огоньки городка Скагуэя и стоявших в гавани судов.

Этот пробег был рекордным. В течение четырнадцати дней они в среднем покрывали по сорок миль в сутки. Перро и Франсуа три дня

раздавали посылки на плавной улице Скагуэя и со всех сторон получали приглашения выпить и закусить, а вся упряжка была предметом восторженного преклонения толпы ценителей и скупщиков ездовых собак. Вскоре три или четыре западных бандита собрались было встряхнуть городок грабежом, но были схвачены и жестоко избиты, — и внимание публики перешло уже на них. После этого последовало официальное распоряжение, и Франсуа, подзвав к себе Бэка, обнял его и прослезился. И больше Бэк никогда не видел ни Перро, ни Франсуа. Подобно другим, они навсегда исчезли с его горизонта.

Бэка с его товарищами поручили шотландцу-метису, и в сопровождении дюжины других таких же упряжек они направились по тому же самому томительному пути обратно в Доусон. Это была уже не легкая пробежка или рекордные переходы, а тяжкий, упорный каждодневный труд с тяжелым грузом позади; это был почтовый поезд, везший со всего света вести тем людям, которые добывают золото под негостеприимным полярным небом.

Бэку не понравилась перемена, но он усердно справлялся с работой, научившись гордиться ею по примеру Дэйва и Соллекса. Он видел, что они, несмотря ни на что, добросовестно исполняли свои обязанности. Жизнь пошла монотонно, с правильностью заведенной машины. Сегодня походило на вчера, а завтра — на сегодня. В определенное время по утрам разводили костер, варили пищу, и все завтракали вместе. Потом постепенно, один за другим, обозы трогались в путь за два часа до рассвета. На ночь располагались лагерем. Одни люди ставили палатки, другие кололи дрова или готовили из сосновых ветвей постели, третьи носили воду или лед, помогая четвертым, готовившим ужин. Затем кормили собак. Для них это было единственным выдающимся событием за весь день, хотя они и любили потом побродить после еды часок-другой среди прочих собак, которых оказалась целая тьма. Среди них нашлись отчаянные драчуны. Однако трех схваток с самыми свирепыми было достаточно для Бэка, чтобы показать свое превосходство и приучить всех сворачивать с дороги, лишь только он появлялся среди них, оскалив зубы и ошетилив шерсть.

Больше всего, пожалуй, Бэку нравилось лежать у костра. Поджав под себя задние лапы и вытянув передние, он поднимал голову и задумчиво моргал при свете пламени. Иногда он думал о большом доме судьи Миллера в залитой солнцем долине Санта-Клара, о цементированном бассейне, в котором он когда-то плавал, о лысой мексиканке Изабель и о японце Тутсе; но чаще всего он вспоминал человека в красном свитере; затем приходили на ум смерть Кэрли, великая битва со Шпицем и те вкусные вещи, которые ему приходилось когда-либо есть или которые он желал бы съесть теперь. По родине он не скучал. Солнечный Юг представлялся ему точно в тумане, где-то далеко, и воспоминания о нем его не тревожили. Гораздо могущественнее стали проявляться в нем воспоминания, перешедшие к нему по наследству. Благодаря им явления, с которыми он никогда раньше не сталкивался, казались ему знакомыми. Инстинкты, которые в сущности не что иное, как воспоминания предков, сделавшиеся привычками, дремавшие в последующих поколениях, да и до последнего времени и в нем самом, теперь оживали в Бэке и проявлялись в новых порывах.

Когда Бэк лежал у костра, задумчиво глядя на огонь, ему вдруг начинало иногда казаться, что это — пламя совсем другого костра и что около него сидит не шотландец-метис, а кто-то другой. У этого, другого, человека — более короткие ноги и вовсе не такие пухлые толстые руки, как у шотландца, а длинные, жилистые и мускулистые, достигающие чуть не до земли. Волосы у человека длинные, косматые, и его низкий лоб прямо от глаз скошен к затылку. Человек этот издает странные звуки и, видимо, очень боится темноты, в которую постоянно всматривается. В своей длинной руке он сжимает палку, к которой прикреплен тяжелый камень. Нагим его назвать нельзя, так как за спиной у него болтается изодранная и прожженная шкура, а по всему телу много волос, на некоторых местах, в особенности на груди, плечах и с внешней стороны конечностей, волосы густы, как мех. Человек не стоит прямо, корпус его наклонен вперед, ноги согнуты в коленях. В его теле чувствуется своеобразная, почти кошачья упругость. Он обладает необыкновенной подвижностью, свойственной существу, живущему в постоянном страхе перед видимыми и предчувствуемыми опасностями.

Иногда случается, что волосатый человек у костра опускает голову и засыпает. Локти его упираются в колени, а кисти рук обхватывают голову, как бы для того, чтобы защитить ее волосатыми руками от дождя. А там за костром, в жуткой темноте, перед глазами Бэка вдруг появлялось много раскаленных докрасна угольков. Их всегда было по два, парочка к парочке, и Бэк догадывался, что это сверкали во мраке глаза диких зверей. Он слышал, как они протискивались сквозь густые кустарники, и внимал шуму, который они производили по ночам. И эти его мечты на берегу Юкона, когда, лениво щурясь, он глядел на пламя костра, эти видения из другого мира заставляли его шерсть подниматься дыбом вдоль спины, на затылке и плечах, и он начинал тихо, сквозь зубы, скулить или же мягко, подавленно ворчать. И тогда раздавался крик шотландца: «Эй, Бэк, проснись!» И странный мир куда-то исчезал, и перед глазами Бэка снова вырастал мир реальный, и он вставал, зевал и потягивался, точно на самом деле спал.

Тяжелое путешествие с огромной почтой позади и тяжкая работа совсем изнурили собак. Они очень исхудали и были в жалком состоянии, когда дотащились, наконец, до Доусона. В сущности, им следовало бы отдохнуть дней десять или по крайней мере неделю, но уже два дня спустя они снова спускались по берегу Юкона с грузом почты, адресованной за перевал. Собаки были утомлены, погонщики ворчали, и в довершение ко всему каждый день шел снег. А это означало мягкую дорогу, увеличенное сопротивление для полозьев и более тяжелые условия для собак. Погонщики, однако, помогали собакам преодолевать трудности и всячески заботились о животных.

Каждый вечер прежде всего занимались собаками. Их кормили раньше, чем ели сами, и ни один погонщик не укладывался в свой дорожный мешок, не осмотрев ног у всех своих собак. Тем не менее силы собак таяли. С начала зимы они пробежали уже тысячу восемьсот миль, каждый раз таща сани до полного утомления, и эти тысяча восемьсот миль сказались на самых выносливых псах. Бэк стойко держался, поощряя собак к работе и поддерживая дисциплину, хотя и сам страшно переутомился. Билли каждую ночь обязательно выл и стонал во сне. Джо стал угрюмее, чем обычно, а Соллекс не допускал к себе никого ни со стороны слепого,

ни зрячего глаза.

Но больше всех страдал Дэйв. С ним случилось что-то неладное. Он стал мрачнее и раздражительнее, и, как только располагались лагерем, он тотчас же зарывался в логово, и там уже кормил его погонщик. Освободившись от упряжи, он не поднимался на ноги до утра, пока его не запрягали вновь. Иногда во время пути, когда сани внезапно останавливались и осаживали его или когда приходилось стаскивать сани с места, он визжал от боли. Погонщик осмотрел его, но ничего понять не мог. И все остальные погонщики заинтересовались им. Они говорили о нем во время еды и за своими последними трубками, перед тем как ложиться спать, а однажды вечером устроили консилиум. Дэйва вытащили из логова к огню, тискали его и пустили ему кровь, и он несколько раз взвизгивал от боли. Что-то болело у него внутри, но они не могли нащупать ни одной сломанной кости и ничего не выяснили.

Когда доехали до Кассьярского перевала, Дэйв так ослабел, что часто падал в пути. Шотландец остановился, выпряг его и к саням на место Дэйва поставил ближайшую собаку, Соллекса. Он хотел предоставить Дэйву покой: пусть бежит на свободе сбоку. Все еще больной, Дэйв не хотел, чтобы его выпрягали, ворчал и скулил, когда развязывали постромки, и горестно завывал, когда увидел, что Соллекс занял то место в упряжке, на котором он работал так долго. Он всегда гордился тем, что держал след и нес на себе главную упряжь, и вот, опасно заболев, никак не мог перенести того, что другая собака заняла его место.

Как только сани тронулись в путь, он побежал вдоль укатанной дороги, проваливаясь в рыхлом снегу и стараясь укусить Соллекса, бросаясь на него спереди и пытаясь сбросить его в мягкий снег сбоку, а сам все время втискивался между ним и санями и все время скулил, лаял и визжал от боли и от огорчения. Погонщик попробовал отогнать его бичом, но он не обратил никакого внимания на обжигавшие его удары, и у человека не хватило жестокости продолжать его стегать. Дэйв отказался спокойно бежать за санями сзади, где дорога была твердая, нырнул сбоку в глубоком снегу, что было крайне трудно, и в конце концов выбился из сил. Тогда он упал и остался лежать на том месте, где свалился, жалобно завыв,

когда сани промчались мимо него.

Из последних сил все же он поплелся позади, пока сани не сделали следующей остановки. Он нашел свои сани и стал рядом с Соллексом. Его погонщик отошел закурить трубку у ближайшего соседа позади, затем возвратился и дал знак к отъезду. Собаки дернули за постромки изо всех сил, но тотчас же с недоумением оглянулись и остановились. Погонщик тоже удивился. Сани не тронулись с места. Он крикнул товарища. Оказалось, что Дэйв перегрыз обе постромки Соллекса и стал на свое прежнее место впереди саней.

Он умолял глазами, чтобы его не гнали. Погонщик не знал, что делать. Товарищи толковали, как собака страдает, когда ее лишают своего дела, хотя оно ее убивает, и приведя массу примеров, когда постаревшие или заболевшие собаки издыхали только потому, что их не запрягали. Поэтому они считали благодеянием предоставить Дэйву умереть в упряжи со спокойным собачьим сердцем. Дэйва впрягли опять, и он по-старому гордо потащил сани, хотя не раз невольно взвизгивал от боли. Несколько раз он падал, и его волокли в упряжи, а один раз сани наехали на него и подмяли под себя, так что к прежним страданиям у него прибавилась еще и отдавленная задняя нога.

Но он крепился, пока не добежал до стоянки, где погонщик устроил его ближе к огню. К утру Дэйв так ослабел, что не мог уже продолжать путешествие. Когда стали запрягать собак, он подполз к своему погонщику, конвульсивными движениями поднялся на ноги, зашатался и упал. Затем он, как червяк, пополз на животе к тому месту, где на его товарищей надевали упряжь. Он вытягивал передние лапы и волок свое тело, подпираясь задними, потом опять вытягивал передние и продвигался телом вперед на несколько дюймов. Наконец силы оставили его, и собаки увидели его лежавшим на снегу; он тяжело дышал и скорбно глядел на них. И все собаки, удаляясь, слышали, как он жалобно выл, пока, наконец, не потеряли его из виду, забежав за прибрежный лесок.

Здесь обоз остановился. Шотландец медленно зашагал туда, где только что была стоянка. Люди перестали разговаривать. Раздался

револьверный выстрел. Шотландец быстро возвратился. Засвистали бичи, весело забренчали бубенчики, и сани запрыгали по ухабам. Но Бэк знал и все прочие собаки знали, что произошло позади них, за полосой прибрежных кустарников.

Трудности пути

Через тридцать дней по выезде из Доусона прибыли в Скагуэй. Бэк со своей упряжкой бежал впереди. Собаки измучились до последней крайности, похудели и ослабели. Весивший до поездки сто сорок фунтов, Бэк похудел до ста пятнадцати. Остальные собаки, более легкие, потеряли в весе пропорционально даже больше, чем он. Притворщик Пайк, который плутовал всю свою жизнь и часто притворно прыгал на трех ногах, теперь захромал на самом деле. Захромал также и Соллекс, а Дэйв очень страдал от вывиха плечевой кости.

У всех были ужасно изранены лапы. О прыжках и играх давно забыли. Собаки ступали тяжело по дороге, с трудом неся свое тело, и вдвойне уставали за день. Все дело было в этой смертельной усталости. Но это не была та обычная усталость, которая является следствием какого-нибудь короткого и чрезмерного усилия и очень скоро, в какие-нибудь два-три часа, проходит. Нет, эта усталость появилась после непрерывного труда в течение нескольких месяцев. Поэтому нельзя было ожидать скорого отдыха от утомления: у собак не осталось никакого запаса сил. Они были использованы до последней степени. Каждый мускул, каждый фибр, каждая клеточка были утомлены до высшей, предельной крайности. И это было вполне понятно. Менее чем за пять месяцев собаки пробежали две с половиной тысячи миль, а за последние тысячу восьмьсот миль отдыхали всего пять дней. Когда, наконец, прибыли в Скагуэй, собаки еле держались на ногах. Они едва могли тянуть постромки, а на спусках еле успевали давать дорогу катившимся саням.

— Эй вы, хромоногие бедняги! — подбадривал их погонщик, когда они бежали по главной улице Скагуэя. — Уже доехали! Теперь отдохнем вдоволь! Хороший будет отдых! Все отдохнем!

Погонщики уверенно ожидали более или менее продолжительного отдыха. Они сами, покрыв тысячу двести миль, с отдыхом всего в два дня, вполне заслужили перерыва в своей работе, но в Клондайк съехалось столько мужчин со всего света и столько осталось у них на родине возлюбленных, законных жен и всякой родни, что высота почтовых тюков достигала Альпийского хребта. К тому же были и служебные пакеты. Необходимо было уставших собак заменить свежими, прибывшими от Гудзонова залива. Поэтому износившихся собак попросту выбрасывали, а таких, за которых еще предлагали хоть по доллару за штуку, немедленно продавали по дешевым ценам.

Прошло три дня. Бэк и его приятели поняли, как сильно они устали и ослабели. А затем утром четвертого дня какие-то два человека из Соединенных Штатов пришли и купили их за бесценок вместе с упряжью. Эти люди называли друг друга Хэл и Чарльз. Чарльз был среднего возраста светловолосый человек со слабыми, слезившимися глазами и с густыми усами, свирепо закрученными вверх. Хэлу было лет девятнадцать или двадцать. Он носил револьвер системы Кольта и охотничий нож, болтавшиеся у него на поясе, набитом патронами. Этот пояс был на нем самой заметной вещью. Пояс свидетельствовал о его зеленой, неоперившейся юности. Оба эти человека были, несомненно, не здешние, и что их привело на дальний Север, оставалось большой загадкой.

Бэк слышал, как они перекидывались словами, видел деньги, которые перешли в руки правительственного агента, и знал, что шотландец и почтовые погонщики так же уходят из его жизни, как ушли Перро и Франсуа и многие другие. Когда его погнали вместе с другими собаками к этим новым хозяевам, то Бэк увидел грязное и неряшливое хозяйство, небрежно раскинутую палатку, немытую посуду — все в полном беспорядке; он увидел также женщину, которую мужчины называли Мерседес. Оказалось, что это была жена Чарльза и сестра Хэла... Милая семейка!

Бэк внимательно следил, как они укладывали палатки и нагружали сани. В их движениях было много усилий, но методы укладки были совершенно бестолковы. Палатка оказалась скомканной в беспорядочный

узел, в три раза больший, чем следовало. Посуду уложили немытую. Мерседес мешала мужу и брату и болтала без умолку, то давая им советы, то браня их. Когда они поместили мешок с одеждой на передок саней, она заставила переложить его назад, а когда они переложили его назад и навалили на него два других узла, она нашла вдруг еще какие-то оставшиеся предметы, которые должны были непременно лежать в первом мешке, и пришлось разгружать все обратно.

Три человека вышли из соседней палатки и смотрели на них, посмеиваясь и подмигивая один другому.

— Ну и хлама же у вас! — сказал один из них. — Не мое дело вмешиваться, но я бы на вашем месте ни за что не взял с собой этой палатки.

— Тоже скажете! — воскликнула Мерседес, с неподдельным ужасом всплеснув руками. — А что я буду делать без палатки?

— Сейчас весна, — ответил сосед, — и холодов больше не будет.

Она решительно потрясла головой, и Чарльз и Хэл кинули на свои сани последние свертки и узлы.

— А вы думаете, что сдвинетесь с места? — спросил один из соседей.

— А почему нет? — отрывисто сказал Чарльз.

— Ну, ладно, ладно! — поспешил прекратить разговор сосед. — Я только удивился, вот и все. Мне показалось, что вы малость перегрузили.

Чарльз повернулся к нему спиной и стал изо всех сил стягивать поклажу ремнями, но и это дело не ладилось у него.

— Конечно, пустяки! — подтвердил другой сосед. — Собаки помчатся как ветер с таким снарядом позади.

— Разумеется, — сказал Хэл с холодной учтивостью и взял в одну руку длинную палку, а другой взмахнул бичом.

— Вперед! — крикнул он. — Эй, вы!..

Собаки дернули изо всех сил, натянули постромки и остановились. Им было не под силу сдвинуть сани.

— Ленивые твари! — крикнул Хэл, приготовившись стегнуть собак бичом. — Я вам покажу!..

Но вмешалась Мерседес.

— Не смей, Хэл! — воскликнула она и вырвала у него из рук плеть. — Бедные собачки!.. Обещай мне сейчас же, что всю дорогу ты не прикоснешься к ним, иначе я останусь здесь и не поеду.

— Много ты знаешь, как обращаться с собаками! — проворчал брат. — Оставь меня, пожалуйста, в покое! Говорю тебе, они ленивы! Не подгонишь — не поедешь. Знаю я их! Спроси у кого хочешь? Вот спроси хоть у этих людей!

Мерседес посмотрела на них умоляющими глазами, и невыразимое отвращение при виде бесполезных страданий животных появилось на ее миловидном лице.

— Да они, если желаете знать, еле держатся на ногах, — ответил один из соседей. — Выбились из сил. Они нуждаются в отдыхе.

— Обойдутся и без отдыха, — пробурчал безусый Хэл.

А Мерседес глубоко и печально вздохнула. Но в ней сказалось родственное чувство, и она стремительно выступила на защиту брата.

— Не обращай внимания на этого человека! — сказала она. — Это наши собаки, и ты не хуже других знаешь, как обращаться с ними.

Хэл снова стегнул собак. Они из всех сил рванулись вперед, глубоко провалились лапами в накатанный снег и напрягли свои мускулы. Сани удерживали их, как якорь. Собаки сделали еще две попытки и остановились, задышавшись. Бич бешено просвистал над ними, но за них опять вступилась Мерседес. Она опустила на колени перед Бэком и со слезами на глазах обняла его за мокрую мохнатую шею.

— Бедный, бедный! — воскликнула она с состраданием. — Почему же ты, собачка, не тянешь? Тогда бы вас не хлестали!

Она не понравилась Бэку, но он слишком ослабел, чтобы сопротивляться ей, и принял ее прикосновение как необходимую часть дневных страданий.

Один из зрителей, который все время стоял со стиснутыми зубами, сдерживаясь, чтобы не сказать лишнего, не утерпел:

— Мне нет никакого дела до ваших всхлипываний, но я хочу заступиться за собак и научить вас, что нужно сделать, чтобы сани пошли. У вас примерзли к дороге полозья. Навалитесь на сани все втроем, качните их с боку на бок и постарайтесь сдвинуть с места.

В третий раз сделали попытку. На этот раз, как и советовали, Хэл сдвинул с места примерзшие полозья. Перегруженные сани поползли вперед, Бэк и его товарищи рвались из последних сил под градом ударов. В ста ярдах дальше дорога сворачивала и круто спускалась к главной улице. Требовался очень искусный погонщик, чтобы сдерживать такой перегруженный воз, а Хэл вовсе не был таким. Когда собаки завернули, сани повалились и половина груза, плохо увязанного ремнями, вывалилась на землю. Собаки не остановились. Облегчившийся воз прыгал боком позади них. От дурного незаслуженного обращения и чрезмерного груза собаки обозлились. Бэк неистовствовал. Он бежал со всех ног, а все прочие собаки следовали за ним. Хэл кричал: «Стой, стой!» Но они не обращали на него никакого внимания. Он пустился вслед за ними, поскользнулся и упал. Сани перелетели через него, и собаки помчались вдоль улицы, разбрасывая по ней на общую потеху жителей Скагуэя оставшиеся в санях

пожитки.

Какие-то сердобольные граждане остановили собак и стали подбирать вещи. Со всех сторон посыпались советы. Говорили, что груза следовало бы взять вдвое меньше, а собак запрячь в сани вдвое больше, если хотят добраться до Доусона. Хэл и его сестра с мужем неохотно выслушали эти советы, подняли палатку и стали пересматривать свои вещи. Выбросили банки с консервами, что насмешило советчиков, так как о консервах на Великом Пути только и мечтают.

— Одеял на целую гостиницу! — заметил кто-то из помогавших, громко рассмеявшись. — Половина их — и то много! Бросьте палатку и всю эту посуду, — кто ее будет у вас мыть в дороге? Боже правый, что, вы собрались ехать в пульмановском вагоне, что ли?

Так постепенно освободились от всего ненужного. Мерседес заплакала, когда ее узлы с одеждой вывалили на землю и выбрасывали вещь за вещью. Она плакала над всем вообще и из-за каждой вещи отдельно. Она хлопала себя ладонями по коленям, раскачивалась из стороны в сторону и горько жаловалась. Она заявляла, что не тронется ни на один дюйм, хотя бы этого потребовали от нее даже десять мужей. Она взывала ко всем и ко всему, под конец отерла слезы и сама стала выбрасывать вещи без разбора, включая самые необходимые. Покончив со своими личными вещами, она усердно принялась за вещи мужа и брата и прошла по ним точно смерч. Груз сократился чуть ли не наполовину и все же оставался чудовищно огромным. Вечером Чарльз и Хэл куда-то ушли и возвратились с шестью новыми, не здешними, собаками, которых где-то купили. Эти последние, да шесть бывших, да еще Тик и Куна, короткошёрстные собаки, приобретенные у Кольцевых Стремнин, составляли упряжку в четырнадцать голов. Но привозные собаки, хотя уже и свыклись со своим новым положением, все-таки особой ценности не представляли. Три из них были короткошёрстные пойнтеры, один — ньюфаундленд и две — помесь неизвестной породы. Эти новые собаки не казались сведущими. Бэк и его друзья смотрели на них свысока, и, хотя Бэк тотчас же указал им их места и показал, что каждая из них должна была делать, они все же его не поняли. Они не питали никакого

расположения ни к упряжи, ни к езде. За исключением двух собак неизвестной породы — просто дворняг — они были очень напуганы той новой, дикой обстановкой, в которую попали, и дурным обращением своих новых хозяев. Две же дворняги были совершенно истощены; у них остались только кожа да кости.

Новички не годились никуда, а прежняя упряжка была настолько утомлена за свое непрерывное путешествие в две с половиной тысячи миль, что успеха от предстоящей поездки нечего было и ожидать. Но оба хозяина были в самом лучшем расположении духа. Они даже испытывали некоторую гордость. Только подумать — четырнадцать собак! Они видели, как другие люди уезжали в Доусон и приезжали из Доусона, но ни у кого из них не было по четырнадцати собак. Уж по самой природе полярных путешествий не следовало бы брать с собой такого множества собак, да и сани все равно не смогли бы вместить в себя корм на четырнадцать собак. Но Чарльз и Хэл этого не знали. Они готовились к путешествию с карандашом в руках: столько-то у них собак, столько-то полагается в день корма на одну собаку, столько-то дней предполагается пробыть в пути. Следовательно, стоило только подвести всему этому итог — и дело в шляпе. Мерседес заплядывала через их плечи и с довольным видом поддакивала — все просто и ясно.

Поздним утром на следующий день Бэк вел за собой вдоль улицы вереницу собак. Ни в нем, ни в его товарищах не было ни задора, ни обычной резвости. Все они смертельно устали. Уже четыре раза они покрыли расстояние от Соленого Озера до Доусона, и сознание того, что ему, усталому и расслабленному, придется еще раз преодолевать этот же путь, заставляло Бэка жестоко страдать. Предстоявшая работа не была по душе ни ему, ни другим собакам. Привозные собаки были какие-то забитые и всего боялись, а дворняги не питали доверия к своим хозяевам.

Бэк смутно чувствовал, что нельзя было полагаться на этих двух мужчин и женщину. Они ничего не знали; дни проходили за днями, и выяснилось, что новые хозяева все равно не научатся ничему. Они делали все зря, без всякого порядка и дисциплины. Полвечера требовалось для них, чтобы кое-как устроить привал, и пол-утра, чтобы снова все разобрать

и уложить на сани в таком беспорядке, что потом весь день проходил в остановках и перевязывании багажа. Часто они не проезжали и десяти миль в день. Бывали дни, когда они и вовсе не могли тронуться с места. И не было ни одного дня, когда бы они прошли хотя бы половину того, что проходили другие при строгом расчете пищи на собак.

Было очевидно, что им придется экономить на собачьем корме. А они перекармливали собак, приближая день, когда должны были начаться неприятности. Привозные собаки, желудки которых еще не были приучены довольствоваться ничтожным количеством пищи, были ужасно прожорливы. А когда вдобавок ко всему слабосильные пойнтеры перестали вовсе тянуть, Хэл пришел к заключению, что вычисленная им норма питания была мала. Тогда он удвоил ее. В довершение же всего, когда Мерседес со слезами на своих хорошеньких глазках и с дрожью в голосе не смогла убедить своего брата давать собакам еще больше, она стала красть рыбу из мешков и кормить собак тайком. Но не в пище нуждались Бэк и его товарищи, а в отдыхе. И хотя они бежали теперь не очень быстро, тяжелый груз, который они тащили за собой, выматывал из них последние силы.

Затем начался голод. Однажды утром Хэл сделал открытие, что корма для собак осталось всего половина, тогда как пройдено всего-навсего четверть пути, и что достать в тех местах корма ни за какие деньги было невозможно. Тогда он урезал нормы и попробовал наверстать недостаток в корме на скорости движения. Его сестра и зять согласились с ним. Но из этого ровно ничего не вышло вследствие перегрузки саней и полной неопытности людей. Очень просто было давать собакам меньше пищи, но совершенно невозможно было заставлять их идти скорее, когда собственная нерадивость хозяев, встававших поздно, мешала им использовать ежедневно должное количество часов. Они не только не понимали, как нужно обращаться с собаками, но даже не умели организовать самих себя.

Первым свалился Даб. Жалкий воришка, вечно попадавший на месте преступления и подвергавшийся наказаниям, он все-таки был честным работником. Его вывихнутое плечо, оставленное без всякого внимания, разболелось еще больше, и, наконец, Хэл, рассердившись, застрелил его из

своего револьвера. Было известно еще раньше, что привозные собаки погибают от голода при том скудном пайке, который удовлетворяет местных собак; поэтому все шесть привозных собак, находившихся в упряжке Бэка, неминуемо должны были погибнуть. Первым издох ньюфаундленд, за ним последовали три короткошёрстных пойнтера, а две дворняги еще цеплялись за жизнь, но конец их был неизбежен.

Мягкость и кротость, свойственные южанам, с этих людей как рукой сняло. Полярное путешествие, чуждое всяких очарований и романтики, оказалось им совершенно не под силу. Мерседес перестала плакать из-за собак, слишком занятая оплакиванием себя самой и ссорами с мужем и братом. Ссориться они никогда не уставали. Их сварливость, обусловленная их страданиями, с каждым днем все возрастала. То удивительное терпение, которое проявляют люди во время путешествия, при всех своих трудах и страданиях оставаясь добрыми и приветливыми, совершенно было недоступно для этих двух мужчин и женщины. Они им не обладали. Вечно недовольные, они постоянно ныли: то у них болело тело, то ломило кости, даже самые их сердца оказались не в порядке — и все это сопровождалось колкостями и грубостями с утра до вечера.

Стоило только Мерседес подать малейший повод, Чарльз и Хэл начинали ссору. Тот и другой искренне верили в то, что именно он, а не другой, работал больше, и при первой возможности высказывали это друг другу. Мерседес становилась на сторону то мужа, то брата. В результате получались бесконечные семейные сцены. Начиналось, например, с того, кто из двух (это могло касаться только Чарльза и Хэла) должен был нарубить сучьев для костра; тотчас же вспоминались все члены семьи: отцы, матери, дяди, двоюродные братья — все родственники, жившие за тысячи миль отсюда и многие из них давно уже умершие. Совершенно было непонятно, какое отношение к рубке двух-трех сучков для костра могли бы иметь взгляды Хэла на искусство или же общественные развлечения, о которых писал брат его матери; однако ссоры возникали как по этому поводу, так и по поводу политических взглядов Чарльза. И то, что красноречивый язык сестры Чарльза мог иметь какое-то отношение к разведению огня на берегах Юкона, было ясно только для самой Мерседес, которая получала даже некоторое облегчение в высказывании мнения по

этому поводу и, точно случайно, затрагивала некоторые особенности, неприятные для семьи ее мужа. А огонь тем временем все еще не был разведен, привал не устроен и собаки не накормленными.

У Мерседес были свои личные жалобы, чисто женского свойства. Она была красива и изнежена, и когда-то за ней красиво ухаживали. Но теперешнее обращение с ней мужа и брата было далеко от красоты. Быть по-женски беспомощной вошло у нее в привычку. Мужу и брату это не нравилось. На их упреки она отвечала тем, что она — слабая женщина и что это — ее неотъемлемое право. Это делало их жизнь невыносимой. Мерседес уже не думала больше о собаках и так как считала себя уставшей и больной, то все время оставалась сидеть на санях, как бы ни был труден путь. Она была красива и избалована ухажерами, но все же в ней было не менее ста двадцати фунтов веса — далеко не безделица при том грузе, который тащили слабые, голодные собаки. Она ехала целыми днями, пока собаки не падали прямо в упряжи на пути и сани не останавливались. Чарльз и Хэл просили ее сойти и пройтись хоть немного пешком, ссорились с ней, угрожали, но она только плакала и призывала небеса в свидетели тому, как были жестоки с ней ее брат и муж.

Однажды они силой стащили ее с саней. Другой раз они уже не пробовали делать это. Она задрыгала ногами, как ребенок, и села на снег. Они отправились дальше, но она даже не шелохнулась. Пройдя три мили, они вынуждены были остановить сани, вернуться за ней и тащить ее до саней на себе.

В избытке собственных страданий они стали глухи к страданиям собак. Теория Хэла состояла в том, что каждый должен себя закалять, но эту теорию он применял только к другим. Он проповедовал ее сестре и зятю, но, не переубедив их, стал применять ее к собакам посредством дубинки. У урочища Пять Пальцев запасы корма для собак иссякли. Старая, беззубая индианка променяла им пять фунтов мороженой лошадиной шкуры на револьвер системы Кольта, висевший вместе с большим охотничьим ножом на поясе у Хэла. Эта шкура была только жалким подобием пищи, так как еще полгода назад она была содрана с издохшей от голода лошади какого-то погонщика. В замороженном виде

она походила на листовое железо, и когда собаки ее проглатывали, она там превращалась в непереваримые ремешки, покрытые короткой шерстью, и только раздражала желудок.

И все это переживал Бэк, идя во главе упряжки, точно в кошмаре. Он тянул как мог; когда же он не мог больше тянуть, он падал и оставался на снегу, пока его снова не поднимали на ноги удары плетью или дубинкой. Весь плянец и вся мягкость, которыми когда-то отличалась его пушистая шерсть, исчезли. Шерсть свешивалась с него грязными лохмотьями, сваявшаяся и испачканная запекшейся кровью оттого, что Хэл часто бил его дубинкой. Его мускулы превратились в узловатые нити, ребра и кости резко выступали наружу, и кожа висела складками от образовавшейся под ней пустоты. Это надорвало бы сердце любому, но у Бэка оно было железным. Человек в красном свитере мог бы подтвердить это.

Что испытывал Бэк, то же переносили и его товарищи. Это были ходячие скелеты. Всех их было семеро, включая Бэка. В своих невыносимых страданиях они стали равнодушны к острым ожогам плети и к ударам дубинкой. Муки от истязаний воспринимались ими точно в тумане, как бы на расстоянии, и то, что они видели и слышали, казалось, их не касалось. Это были ходячие тени, одна только видимость живых существ. Это были мешки с костями, в которых чуть теплилась жизнь. Едва останавливались для привала, как все собаки падали замертво, тут же, на дороге, и эта еще теплившаяся в них искра жизни, казалось, потухала в них навсегда. Когда же на них вдруг опускалась плеть или дубинка, то искорка жизни начинала снова чуть-чуть мерцать, и они, пошатываясь, поднимались на ноги и с невероятным трудом плелись дальше.

Настал день, когда добродушный Билли упал и не встал. У Хэла уже не было на поясе револьвера, потому он взял топор и ударил им Билли по голове, а затем вытащил его вместе с постромками из общей упряжки и оттащил в сторону. Бэк видел это, и его товарищи тоже видели, и каждый из них знал, что та же судьба скоро постигнет и его. На следующий день погибла Куна, и теперь осталось всего пять собак: Джо, крайне истощенный даже для того, чтобы огрызнуться; изувеченный и хромой Пайк; одноглазый Соллекс, все еще отлично разбиравшийся в дороге и

тосковавший лишь о том, что оставалось мало сил для работы; Тик, который в эту зиму еще не бегал так далеко и подвергался ударам больше других только потому, что был бодрее всех, и Бэк, все еще во главе упряжки, но уже не поддерживавший дисциплины и не побуждавший к ней других, от усталости постоянно впадавший в полузабытье и различавший дорогу лишь по чутью.

Стояла прекрасная весенняя погода, но ее не замечали ни собаки, ни люди. С каждым днем солнце вставало все раньше и раньше и заходило все позже и позже. Уже в три часа утра светало, а сумерки опускались около девяти вечера. Целыми днями светило яркое солнце. Унылое молчание зимы сменилось великим весенним шумом пробуждавшейся жизни. Оживление охватило всю землю, наполнило ее радостью и трепетом возрождения. Оно шло от всего, что ожило и задвигалось, проснувшись от долгого сна в течение длинных морозных месяцев. В соснах стал подниматься сок. На ивах и осинах появились зеленые почки. Кусты и верба выбрасывали свеженькие листочки. По вечерам застрекотали кузнечики, а днем все насекомые и все, что ползает и бегает, выползало на солнышко. В лесу затоковали тетерева и застучали носами дятлы. Запрыгали белки, запели птицы, и высоко в небе потянулись к северу треугольники уток, гусей и журавлей.

С каждого холмика сбегали ручейки воды, слышалась музыка невидимых потоков. Все оттаивало, пробуждалось, заявляло о жизни. Юкон надулся и приготовился освободиться от льда, который сковывал его так долго. Река размывала лед снизу, а солнце — сверху. Образовались полыньи, появились трещины на льду, и тонкие куски льда сползали в реку. И посреди всего этого весеннего шума и пробуждавшейся жизни, под лучами ласкового солнца и при легком дуновении ветерка, словно путники, едущие навстречу смерти, брели двое мужчин, женщина и несчастные собаки.

Собаки падали на каждом шагу, Мерседес плакала, но не слезала с саней, Хэл бесполезно проклинал все и всех, а Чарльз задумчиво смотрел вперед своими слезившимися глазками. Так они дошли до стоянки Джона Торнтона у устья Белой реки. Когда нарты остановились, все собаки

свалились как мертвые. Мерседес вытерла плаза и стала разплядывать Джона Торнтона. Чарльз присел отдохнуть на пень. Он садился очень медленно, лицо его искажалось от боли, все говорило о его крайнем утомлении. Хэл заговорил первый. Джон Торнтон заканчивал топорщице, которое строгал из березы. Работая, он слушал и, когда его спрашивали, давал лаконичные ответы. Он знал, с кем говорил, и потому был уверен, что ни один из его советов выполнен не будет.

— Наверху нам тоже говорили, что внизу по реке езды уже нет и что самое лучшее для нас, это — идти берегом, — сказал Хэл в ответ на предостережение Торнтона, что лед рыхлый и двигаться по нему опасно. — Нас предупреждали также, что мы ни за что не доберемся до Белой реки по льду, а вот добрались же!

Последнюю фразу он произнес не без некоторого торжества.

— И хорошо делали, что предупреждали, — ответил Джон Торнтон. — Лед может тронуться каждую минуту. Только дураки могут рисковать добираться сейчас по льду. Я вам прямо говорю, что я лично не рисковал бы ни за какие деньги в мире.

— Ну и поздравляю вас с тем, что вы не дурак, — сказал Хэл. — А что касается нас, то нам нужно попасть в Доусон во что бы то ни стало. — И, взмахнув плетью, он закричал:

— Вставай, Бэк! Ну?! Тебе говорят! Вперед!..

Торнтон продолжал строгать. Он знал, что бесполезно разговаривать с недалекими людьми, тем более что двумя-тремя дураками станет больше или меньше — от этого мир не пострадает.

Но собаки на этот раз не послушались команды. Давно уже прошло то время, когда они сразу поднимались под ударами. Бич безжалостно хлестал их спины, рассекая кожу... Джон Торнтон стиснул губы. Соллекс первый попытался подняться. За ним последовал Тик. Следующим, визжа от боли, встал Джо. Пайк делал тщетные усилия. Два раза он падал, еле поднявшись на передние ноги, а в третий встал, наконец,

на все четыре. Бэк же не двинулся. Он оставался лежать на том месте, где свалился. Плеть стегала его раз за разом, но он визжал и не шевелился. Несколько раз Торнтон отрывался от своей работы, точно для того, чтобы заговорить, но всякий раз не решался. На глаза у него навернулись слезы. Наконец, в то время как Хэл все еще стегал собаку, он поднялся с места и нерешительно заходил взад и вперед.

В первый раз Бэк свалился, и Хэл пришел в ярость. Он бросил плеть и взялся за дубину. Но и под этим дождем ударов, более тяжелых, чем от плети, Бэк не шелохнулся. Как и его товарищи, он все равно был бы неспособен бежать дальше, но, в отличие от них, он решил совсем не вставать. У него явилось смутное предчувствие неминуемой гибели. Оно преследовало его все время, пока он выбирался с речного льда на берег, и не оставляло его и теперь. Чувствуя каждый день под ногами, как рыхлел и становился ненадежным лед, он испытывал ощущение какой-то грядущей и близкой беды, вот именно там, на льду, куда сейчас его гнал хозяин. Он наотрез отказался двинуться с места. Он так привык к страданиям и так перестал обращать на себя внимание, что даже не замечал наносимых ему ударов. А так как Хэл все еще продолжал его бить, то в нем угасала последняя искра жизни и готова была погаснуть совсем. Он как-то весь одеревенел. Ощущение боли покинуло его. Он не чувствовал ничего, хотя и слышал, как ударялась о его тело дубина. Но это было уже не его тело — оно будто принадлежало другому.

Вдруг без всякого предупреждения, издав какой-то нечленораздельный звук, более похожий на крик животного, чем человека, Джон Торнтон подскочил к размахивавшему дубиной Хэлу. Хэл повалился назад, точно срубленное дерево. Мерседес взвизгнула. Чарльз посмотрел с недоумением, отер свои слезившиеся глазки, но от усталости не мог подняться с места.

Джон Торнтон стал около Бэка, стараясь овладеть собой и не будучи в силах сказать ни одного слова от возбуждения и негодования.

— Если только ты прикоснешься сейчас к этой собаке, — сказал он наконец с дрожью в голосе, — я убью тебя.

— Это моя собака! — возразил Хэл, выплевывая изо рта кровь и поднимаясь. — Убирайся, иначе я положу тебя на месте. Я должен ехать в Доусон.

Торнтон стал между ним и Бэком и не выказывал ни малейшего намерения сойти с места. Хэл вытащил свой длинный охотничий нож. Мерседес опять взвизгнула, зарыдала, захохотала — у нее началась настоящая истерика. Торнтон вышиб топорищем из рук Хэла нож. Хэл попытался было его поднять, но Торнтон ударил его топорищем по пальцам. А потом нагнулся, поднял нож и в два взмаха разрезал постромки у Бэка.

Хэлу ничего не оставалось, как уgomониться. К тому же он занялся сестрой, затем — своими пальцами. До полусмерти избитый Бэк все равно уже был не в силах тащить сани.

Несколько минут спустя сани спустились с берега на лед. Бэк слышал, как сани отъезжали, и поднял голову, чтобы посмотреть им вслед. Пайк был на его месте впереди, Соллекс — у самых саней, а между ними — Джо и Тик. Все они хромали и еле плелись. Мерседес опять сидела на тяжелых санях, Хэл правил, Чарльз брел позади.

Бэк смотрел на удаляющихся товарищей. Торнтон опустился перед ним на колени и жесткими руками ощупывал все его кости. Обследовав его, он пришел к заключению, что все кости Бэка целы, он только избит и истощен невыносимым голодом. Тем временем сани отъехали от них на четверть мили. Собака и человек смотрели, как они медленно подвигались по льду. И вдруг они увидели, что задок саней погрузился, точно нырнул в яму, а шест Хэла взвился в воздухе. Донесся визг Мерседес. Затем Торнтон и Бэк увидели, как Чарльз бросился бежать назад, но вся масса льда вдруг осела под ними, и все люди вместе с собаками и с санями пошли ко дну. На их месте появилась полынья. Теперь уже по льду не пробраться.

Джон Торнтон и Бэк посмотрели друг на друга.

— Бедняга! — сказал Джон Торнтон.

И Бэк лизнул ему руку.

Из любви к человеку

Когда в декабре Джон Торнтон отморозил себе ноги, то спутники устроили его как можно поудобнее и оставили здесь выздоравливать, а сами отправились вверх по реке, чтобы напилить бревен, выстроить из них плот и уже на нем добраться до Доусона. Торнтон еще слегка хромал, когда принял живое участие в Бэке, но установившаяся теплая погода помогла ему настолько, что и последняя хромота скоро прошла. Лежа целыми днями на солнышке на берегу реки и следя за шумящими ручейками, щебечущими птицами и пробуждением весны, Бэк медленно восстанавливал свои силы.

Ах, как был нужен хороший продолжительный отдых тому, кто пробежал три тысячи миль! И нужно сознаться, что по мере того как у Бэка заживали раны, нарастали мускулы и переставали вылезать наружу кости, он становился все ленивее. Впрочем, и все здесь ничего не делали — Бэк, Джон Торнтон, Скит и Ниг — и только ожидали, что вот-вот придет сверху плот, который заберет их и доставит в Доусон. Скит была небольшим ирландским сеттером и скоро сдружилась с Бэком, который вначале мало обращал внимания на ее ухаживания. Она обладала тем врачебным талантом, какой вообще не чужд некоторым собакам; подобно тому, как кошка облизывает своих котят, она зализывала раны у Бэка. Аккуратно каждое утро, как только он заканчивал есть, она принималась за дело, пока, наконец, он не научился смотреть на нее с таким же уважением, как и на Джона Торнтон. Ниг относился к нему не менее дружелюбно, хотя старался этого не показывать. Это был большой черный пес, помесь ищейки с борзой, с веселыми глазами и бьющим через край добродушием.

К удивлению Бэка, эти две собаки не проявляли к нему никакой ревности. Казалось, что доброту и великодушие они переняли от Джона

Торнтон. Когда Бэку стало лучше, они вовлекли его в смешные игры, от которых не мог удержаться иной раз и сам Торнтон; в этих грубоватых шалостях Бэк набирался сил и привыкал к новой обстановке. Любовь, искренняя, страстная любовь, в первый раз в жизни посетила Бэка. Он не испытывал ее даже у судьи Миллера на благодатном Юге, в долине Санта-Клара. Охотясь и играя вместе с сыновьями судьи, он относился к ним только по-приятельски; к его внукам он питал чисто отеческое чувство, а с самим судьей вел себя с достоинством, как преданный друг. Но пылкую и горячую любовь, обожание, доходившее до безумия, он стал питать только к одному Джону Торнтону.

Этот человек спас ему жизнь, а это что-нибудь да значило; кроме того, он был идеальным хозяином. Другие люди относились к своим собакам хорошо из чувства долга или же потому, что это было выгодно им же самим; Торнтон же относился к ним, как к своим детям, потому что это было в его натуре. Но он шел еще дальше: он никогда не забывал сказать собаке ласковое или приветливое слово, долгое время проводил с ней в разговоре — и это доставляло большое удовольствие и ему самому, и собакам. Он имел обыкновение хватать Бэка обеими руками за голову и, упершись в нее лбом, раскачиваться из стороны в сторону, называя его разными именами, которые казались Бэку объяснением в любви. Бэк не знал большей радости, чем испытывать именно такую ласку и такие грубые объятия, и при каждом покачивании с боку на бок ему казалось, что вот-вот от безграничного восторга лопнет его сердце. И когда Торнтон, наконец, отпускал его, он вскакивал на ноги, раскрывал пасть, глаза его зажигались красноречивым блеском, горло сжималось от избытка чувств, и он застывал на месте без движения.

— Он только не говорит! — говорил о нем с уважением Торнтон.

Свою привязанность Бэк проявлял обычно способами, причинявшими боль. Он хватал зубами руку Торнтонa и так сжимал ее, что на ней надолго оставались отпечатки его зубов. И, подобно тому как Бэк умел в причитаниях Торнтонa понимать любовь, так и Торнтон принимал эти укусы за выражение привязанности.

Но большею частью Бэк проявлял свою любовь в немом обожании. Сходя с ума от прикосновении или от простых слов Торнтона, он сам их не добивался. В противоположность Скит, которая до тех пор терлась около Торнтона, пока, наконец, он не ласкал ее, или Нигу, который сам лез к нему и клал свою громадную башку на его колени, Бэк довольствовался обожанием на расстоянии. Он мог лежать у ног Торнтона без движения, вполне спокойно целые часы или же смотреть ему в лицо, не отрывая от него глаз, изучая его, следя с величайшим вниманием за каждой малейшей переменной в его выражении или за каждым его движением. Или же, соответственно обстоятельствам, он укладывался поодаль, сбоку или позади, и уже оттуда наблюдал за фигурой своего хозяина в целом или за каждым его жестом в отдельности. Очень часто — такова уже была их взаимная симпатия — сила взгляда Бэка заставляла Торнтон повернуть к нему голову, и он делал это молча, не произнося ни слова, и только по его глазам Бэк понимал, что было у него на душе. И от этого еще больше прыгало сердце у Бэка.

Долгое время после своего выздоровления Бэк не упускал из виду Торнтон. Как только тот выходил из палатки, Бэк всюду следовал за ним по пятам, пока хозяин не возвращался. С тех пор как Бэк попал сюда, на Север, у него сложилось убеждение, что все предыдущие его хозяева были непостоянные, и он боялся, что и этот хозяин будет у него не всегда. Он опасался, что и Торнтон мелькнет в его жизни так же, как Перро и Франсуа или шотландец-метис. Даже по ночам, во сне, он вскакивал от этого страха. В такие моменты он встряхивался от сна и полз в ознобе к палатке Торнтон. Здесь он останавливался и долго вслушивался в дыхание своего хозяина.

И все же, несмотря на всю его любовь к Джону Торнтону, которая, казалось, могла быть присуща только высоко цивилизованному существу, в нем, едва только он попал на Север, проснулся голос его отдаленных предков и уже не затихал. В нем по-прежнему были тверды его верность и привязанность, составлявшие теперь всю суть его существования на земле, но он стал замечать в себе какую-то тягу к дикой свободе и к проявлению беззастенчивой хитрости. Теперь, у огня Джона Торнтон, он был более первобытным существом и более диким зверем,

чем тогда, на пламенном Юге, когда он бродил в виде породистой собаки, имевшей позади себя поколения смягченных цивилизацией предков. Если он и не обкрадывал сейчас своего хозяина, то только потому, что любил его; он не поцеремонился бы теперь ни с кем другим, ни с чьей другой палаткой и не стал бы размышлять ни одной минуты. И он знал при этом, что хитрость, с которой он стал бы красть, научила его никогда не быть застигнутым на месте преступления.

Его морда и тело были сплошь изгрызаны другими собаками, и он с неведомым ему раньше ожесточением вступал с ними в драку. Скит и Ниг были слишком добродушными собаками, чтобы вступать с ними в пререкания, к тому же они принадлежали Джону Торнтону; но если подворачивалась чужая собака, будь она какой угодно породы и силы, она тотчас же должна была признать превосходство Бэка или же вступить с ним в борьбу не на жизнь, а на смерть. И Бэк был беспощаден. Он отлично усвоил законы дубины и клыка, не признавал соперников и не отступал в борьбе, хотя бы она угрожала ему смертью. Он многое узнал от Шпица и от драчливых полицейских и почтовых собак и теперь понимал, что середины нет. Или он должен победить, или другой должен сделать его своим рабом; оказывать сострадание значило признавать себя слабым. Сострадания не существовало в первобытной жизни. Его принимали за трусость, и оно влекло за собою смерть. Убивай — иначе будешь убит сам; ешь — иначе тебя съедят другие, — вот первобытные законы существования. И Бэк повиновался тому, что заговорило в нем из глубины давно прошедших времен.

Он стал старше и мудрее. Он стоял между прошлым и настоящим; вечность, находившаяся позади, проходила через него в могучем ритме, точно прилив и отлив или смена времен года. Он сидел у огня Джона Торнтона, широкогрудый, с белыми острыми клыками и с длинной шерстью; в его воображении возникали собаки всевозможных пород, полуволки и настоящие дикие волки, и все они спешили, искали, чуяли запах того мяса, которое он ел, и жаждали той воды, которую он пил, нюхали запах ветра, вслушивались вместе с ним и сообщали ему о тех звуках, которыми заявляла о себе дикая жизнь в лесу, диктовавшая им свои законы, направлявшая их поступки и не оставлявшая его и во сне.

Она снилась ему, представлялась наяву и делала их всех участниками его грез.

Так повелительно эти тени манили его к себе, что с каждым днем люди со всеми их законами все более отходили на задний план. Там, в глубине леса, звучал призыв, и всякий раз, как он слышал этот мистический призыв, манивший его и пронизывавший насквозь, он чувствовал, что вот-вот бросит этот домашний уют и убежит в лес, — его тянуло, и он сам не знал, куда и почему; там, глубоко в лесу, ни на минуту не переставая, звучал призыв. Но, как только он убежал в лес и добирался до девственной почвы и до травы, по которым еще не ступала нога человека, его влекли обратно любовь к Джону Торнтону и привычка к домашнему очагу.

Только Торнтон и удерживал его. Все остальное человечество было для него нулем. Случайные прохожие хвалили и ласкали его, но он был к этому глух, а от человека, который слишком настойчиво проявлял себя, он просто уходил. Когда товарищи Торнтона, Ганс и Пит, прибыли, наконец, на давножданном плоту, Бэк не обратил на них внимания, пока не понял, что они близки к Торнтону. Но и после этого он пассивно принимал от них дружеские знаки внимания с таким видом, точно делал им этим одолжение. Эти люди во всем походили на Торнтона, зависели от земли, думали просто и видели ясно; и, раньше чем они доплыли на плоту по водным пучинам до Доусона, они уже поняли Бэка и его повадки и не претендовали на такую же привязанность с его стороны, какую питали к ним Скит и Ниг.

Любовь же его к Торнтону, казалось, все росла и росла. Из всех людей он только один мог положить Бэку на спину какую-нибудь поклажу во время летних путешествий. Что бы ни приказал Торнтон, Бэк исполнял беспрекословно. Однажды — это было тотчас же после того, как они продали свой плот и отправились из Доусона к истокам реки Тапнаны, — люди и собаки сидели на гребне утеса, который вертикально спускался вниз к реке с высоты в триста футов. Джон Торнтон сидел у самого края, Бэк — рядом с ним, плечо к плечу. Какое-то озорство овладело вдруг Торнтоном, и он задумал удивить Ганса и Пита чем-нибудь неожиданным.

— Бэк, прыгай! — скомандовал он, указывая рукой на пропасть.

Тотчас же Бэк кинулся вперед и потащил за собой Торнтона, пока Ганс и Пит не спохватились и не оттащили их от обрыва.

— Удивительно! — воскликнул Пит, когда все успокоилось и разговор возобновился.

Торнтон покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это — великолепно, но в то же время и страшно. Меня иной раз пугает его преданность.

— Да, — проговорил Пит в заключение, кивнув в сторону Бэка, — не желал бы я находиться в положении того человека, который попытался бы вас обидеть.

— Черт возьми, и я тоже! — добавил и Ганс.

Не успел подойти к концу год, как предположение Пита оправдалось. Это было в Серкль-Сити. «Черный» Бартон, человек злой и подозрительный, поспорил о чем-то с неким посетителем кабачка. Торнтон добродушно вмешался, чтобы их разнять. Бэк, как обычно, лежал в это время в углу, положив морду на лапы и следя за каждым движением хозяина. Без всякого предупреждения Бартон размахнулся и с такой силой толкнул в плечо Торнтона, что тот отлетел в сторону и упал бы непременно, если бы ему не удалось ухватиться за решетку прилавка.

Присутствовавшие не услышали ни лая, ни ворчания. Скорее это был рев. Они увидели, как Бэк всей своей массой вдруг взвился в воздух, нацелясь зубами в горло Бартона. Этот человек спасся только тем, что успел инстинктивно протянуть руку и отстранить пасть Бэка, но Бэк все же повалил его на пол, вскочил на него, высвободил свои зубы из его руки и снова старался вцепиться в горло. Бартон уже ослабевал, и его горло оставалось незащищенным. Тогда все присутствовавшие навалились на Бэка и отогнали его. Но, пока пострадавшему унимали кровь, Бэк вертелся тут же и все время яростно ворчал, пытаясь броситься вновь, и отступил

лишь после того, как ему пригрозили палкой. Тотчас организовали собрание, на котором постановили, что собака права и потому ее хозяин ответственности не подлежит. Но репутация Бэка возросла от этого еще больше, и с этого дня его имя стало переходить из уст в уста по всей Аляске.

Позже, в самом конце года, он спас Джону Торнтону жизнь при совершенно исключительных обстоятельствах. Три товарища тащили на веревке длинную узкую лодку через опасное место на Сорокамильной реке. Ганс и Пит шли берегом, пробираясь от дерева к дереву с пеньковой веревкой, а Торнтон оставался в лодке, помогая ей пробираться через стремнины длинным шестом и криками направляя товарищей, находившихся на берегу. Бэк тоже бежал по берегу вровень с лодкой, не спуская глаз с хозяина, и проявлял крайнее беспокойство.

В особенно опасном месте, где подводные камни выступали наружу, Ганс ослабил веревку, а Торнтон в это время старался направить лодку шестом в проход между камнями. Держа в руке конец веревки, Ганс побежал вниз, чтобы потянуть за нее опять, когда лодка выберется из порогов. Лодка понеслась по течению и попала в водоворот, где вода бурлила, как под мельничным колесом. Ганс растерялся и вместо того, чтобы дать лодке ход, натянул веревку и сделал это так быстро, что лодка перевернулась дном вверх и Торнтон вывалился из нее в пучину. Его понесло в такой водоворот, с которым не справился бы и самый опытный пловец.

Бэк тотчас же прыгнул в воду. Проплыв сотни три ярдов по стремительному потоку, он, наконец, добрался до Торнтона. Почувствовав, что тот ухватился за его хвост, Бэк направился к берегу, стараясь загребать лапами изо всех своих сил. Но течение отбивало его от берега. Снизу доносился зловещий рев воды: там дикий поток становился еще яростнее, разрывался на части и старался протиснуться между старыми камнями, вылезавшими из воды наподобие зубьев колоссального гребня. Засасывание воды у последнего порога было настолько ужасно, что Торнтон понял: ему не сдобровать. Его круто обернуло мимо одной скалы, ударило о другую и с сокрушительной силой отшвырнуло на третью. Он

обхватил ее вершину обеими руками, освободил Бэка и, стараясь перекричать рев потока, скомандовал ему:

— Сюда, Бэк! Сюда!

Но Бэка несло течением, он плыл вниз, отчаянно борясь и не имея уже возможности повернуть назад. Когда он услышал во второй раз приказание хозяина, он показался над водой, высоко поднял голову, точно хотел взглянуть на него в последний раз, и покорно повернул к берегу. Он напряг все свои силы, и Пит с Гансом вытащили его на берег в тот самый момент, когда он начал терять сознание.

Они знали, что провисеть на скользком камне в самой быстрине течения можно было только две-три минуты, и потому со всех ног пустились бежать по берегу к тому месту, против которого висел Торнтон. Они обмотали вокруг Бэка конец той самой веревки, на которой тащили лодку, но так, чтобы она не смогла его ни стеснять, ни удушить, и столкнули его в реку.

Он смело поплыл, но ошибся в направлении; он понял свою ошибку слишком поздно, когда его пронесло мимо Торнтона и мимо голых камней.

Ганс так дернул за веревку, точно это была не собака, а лодка. Веревка натянулась течением, и бедный Бэк исчез и все время оставался под водой, пока, наконец, его не прибило к берегу. Его вытащили наверх. Он еле дышал. Ганс и Пит бросились к нему, сделали ему искусственное дыхание и откачали из него воду. Он очнулся, встал на лапы и опять упал. Между тем до них донесся издали слабый голос Торнтона, и хотя они не расслышали его слов, но поняли, что он находился в опасности. Голос хозяина подействовал на Бэка, точно электрический ток. Он вскочил на ноги и помчался по берегу к тому самому месту, откуда отплыл в первый раз. Ганс и Пит последовали за ним.

Опять его обвязали веревкой и опять столкнули в реку. На этот раз он не ошибся в направлении и поплыл куда следовало. Он не рассчитал

один раз, но повторить ошибку не мог. Ганс спускал постепенно веревку, а Пит развешивал ее кольца. Бэк поднимался все выше и выше, пока, наконец, не оказался перед Торнтоном. Тогда он повернулся и со скоростью курьерского поезда ринулся прямо на него. Торнтон следил за ним, и, когда благодаря быстрому течению Бэк со всего размаха ударился о него своим телом, точно стенобитный таран, он обхватил Бэка обеими руками за косматую шею. Ганс привязал конец веревки за дерево, и Торнтон вместе с Бэком скрылись под водой. Захлебываясь, задыхаясь, то выскакивая из воды, то погружаясь в нее снова, волочаясь по каменистому дну и ударяясь о торчавшие скалы и выступы, они добрались, наконец, до берега.

Очнувшись, Торнтон увидел себя лежащим животом поперек бревна. Ганс и Пит усердно откачивали его, двигая взад и вперед. Первым делом он стал искать взглядом Бэка, который лежал тут же, слабый и бездыханный. Около него стоял Ниг и жалостно выл, а Скит лизала Бэку морду и закрытые глаза. Торнтон был разбит и изранен, но подполз к Бэку, ощупал его и обнаружил, что у него сломаны три ребра.

— Делать нечего, — сказал он со вздохом, — придется остаться здесь.

Они тут же расположились лагерем и прожили здесь до тех пор, пока Бэк не поправился и не смог продолжать путь.

В ту же зиму в Доусоне Бэк совершил еще один подвиг, быть может, не столь героический, но зато принесший ему славу чуть не на всей Аляске. Этот подвиг был как нельзя кстати для трех лиц, которые очень нуждались в деньгах, чтобы приобрести необходимые инструменты, без которых нельзя было отправиться в долгожданное путешествие на девственный Восток, куда еще ни разу не ступала нога золотоискателя. Подвиг этот случился благодаря незначительному разговору в зале рестораника «Эльдорадо», когда путешественники хвастались своими любимыми собаками. Зашла речь о Бэке, и о нем стали отзываться недоброжелательно. Тогда Торнтон стал на его защиту. Не прошло и получаса, как один из заседавших побился об заклад, что его собака

сдвинет с места сани с пятьюстами фунтами клади и даже некоторое расстояние провезет их; другой побился об заклад, что его собака сделает то же самое даже и с шестьюстами фунтами, а третий — с семьюстами фунтами клади.

— Вот чепуха-то! — воскликнул Торнтон. — Мой Бэк сдвинет с места тысячу фунтов!

— Сдвинет с места? — удивился король золотоискателей Мэттьюсон, тот самый, который бился за семьсот фунтов. — И даже протянет их сто ярдов?

— Да, — спокойно ответил Торнтон, — сдвинет с места и провезет сто ярдов.

— Ладно, — тихо и небрежно произнес Мэттьюсон, но так, что его могли услышать все. — Ставлю тысячу долларов за то, что он этого не сделает. Вот они!

С этими словами он бросил на прилавок мешочек с золотым песком, величиной с соусник.

Никто не откликнулся на это предложение. Все признали, что со стороны Торнтона это обычное хвастовство. И он почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он действительно просто сболтнул. Он и сам не знал, осилит ли на самом деле Бэк тысячу фунтов. Ведь это — полтонны! Такая громада даже ужаснула его. Он очень верил в силы Бэка и в душе считал, что он способен потянуть любой груз, но ни разу не проверял его на чрезмерной клади. Между тем на Торнтона были устремлены глаза двенадцати человек, и все молча ожидали. К тому же у него не было за душой тысячи долларов, а Ганс и Пит сидели почти без гроша.

— Сейчас у меня на улице стоят сани, и на них двадцать мешков с мукой по пятидесяти фунтов каждый, — сказал Мэттьюсон с жестокой настойчивостью. — Таким образом, я вас не задержу.

Торнтон не отвечал. Он не знал, что сказать. Он только рассеянно

смотрел то на одного, то на другого из гостей с видом человека, потерявшего нить своих мыслей и искавшего, за что ухватиться, чтобы уловить ее вновь. И вдруг глаза его встретились со взглядом Джима О'Брайена, местного богача, с которым когда-то они были близкими товарищами. Это его слегка подбодрило. В нем вдруг вспыхнуло желание сделать то, чего бы он никогда не сделал при других обстоятельствах.

— Можете вы одолжить мне тысячу долларов? — спросил он почти шепотом.

— Ну конечно! — ответил О'Брайен, бросив на прилавок рядом с мешочком Мэттьюсона свой мешок. — Но я не верю, Джон, чтобы собака могла выполнить вашу затею.

«Эльдорадо» быстро опустел. Все высыпали на улицу. Столы были забыты. Спорщики и закладчики отправились туда же, чтобы следить за выполнением пари и делать ставки. На некотором расстоянии от саней уже собралось несколько сот людей в шубах и меховых перчатках. Сани Мэттьюсона с их грузом стояли уже два часа, и притом на страшном морозе (было шестьдесят градусов ниже нуля), а потому их полозья крепко примерзли к гладко укатанному снегу. Собравшиеся стали биться об заклад, что Бэк не стащит с места саней. На слове «стащит» началась игра. О'Брайен доказывал, что Торнтон имеет право сдвинуть сани с места с тем, чтобы Бэк начал их «стаскивать» уже после этого. Мэттьюсон же настаивал на том, что фраза «стащит» включает в себя и то, что сани должны быть сдвинуты с места самой собакой, — не имеет значения, что они примерзли к снегу. Большинство решило спор в пользу Мэттьюсона, и ставки против Бэка повысились на три против одного.

Но принять это пари не нашлось никого: никто не верил, что собака осилит. Ясно было, что Торнтон слишком поспешил принять пари, и сам он, полный сомнений, поглядывал на сани и видел, что такой груз могли стащить с места и везти только десять собак, а не одна, — и вся эта затея стала казаться ему совершенно невыполнимой. Мэттьюсон торжествовал.

— Три против одного! — предложил он. — Ставлю еще тысячу! Хотите принять, Торнтон?

Обуревавшие Торнтона сомнения выразились у него на лице, но его вдруг охватил тот мятежный дух игры, который видит только ставки, не считается с невозможным и остается глух ко всему, за исключением борьбы. Он подозревал Ганса и Пита. Их карманы были почти пусты, и все втроем они могли поставить только двести долларов. С этими двумястами долларов они и пустились на Север искать счастья. Но они немедленно поставили и эти деньги против шестисот долларов Мэттьюсона.

Из саней выпрягли всех собак и на их место поставили Бэка. Всеобщее возбуждение перешло и на него, и он смутно почувствовал, что требуется что-то сделать, чтобы спасти Джона Торнтона. В толпе прошел шепот восхищения его блестящим внешним видом. Он был в отличном состоянии, без единого лишнего золотника жира, и те сто пятьдесят фунтов, которые он весил, представляли собой мужество и пыл. Его шерсть отливала шелком. На затылке и на плечах она у него приподнималась и, казалось, при каждом его движении готова была стать дыбом, точно от избытка энергии каждый волосок в отдельности был живым и деятельным. Широкая грудь и сильные передние лапы были пропорциональны размерам всего тела, а мускулы под кожей натягивались, как веревки. Присутствовавшие оценили эти мускулы, убедились, что они были точно железные, и ставки понизились до двух против одного.

— Отлично, отлично, сэр! — прошепелявил представитель последней династии богачей-золотоискателей, золотой король из Скукум-Бенча. — Я предлагаю вам, сэр, за эту собаку восемьсот долларов до испытания. Восемьсот долларов вот за такого, каков он есть сейчас!

Торнтон отрицательно кивнул и стал рядом с Бэком.

— Вы должны отойти от него, — запротестовал Мэттьюсон. — Свободная игра, чистое место.

Толпа смолкла; слышались только отдельные голоса игроков,

тщетно предлагавших два против одного. Каждый признавал, что Бэк — великолепная собака, но двадцать мешков муки, по пятидесяти фунтов в каждом, представляли для зрителей слишком большую помеху, чтобы решиться развязать кошельки.

Торнтон опустился около Бэка на колени. Он взял его голову обеими руками и прижался к ней щека к щеке. Теперь уж было не до игры и не до ласковых слов, как это они делали обычно. Теперь Торнтон шептал ему в ухо следующие слова: «Ведь ты любишь меня, Бэк! Ведь ты меня любишь!»

Бэк скулил от едва сдерживаемого нетерпения.

Толпа с любопытством наблюдала эту сцену. Она показалась ей таинственной. Точно это было заклинание. Когда Торнтон поднялся на ноги, Бэк схватил зубами его руку в перчатке, сдавил ее и затем медленно, неохотно выпустил. Это было его ответом, полным любви, — ответом не на слова, а своим способом. Торнтон, успокоенный, отошел.

— Вперед, Бэк! — скомандовал он.

Бэк натянул постромки, затем опустил их на несколько дюймов. Это был уже давно изученный им прием.

— Пошел! — резко звучал голос Торнтона при всеобщем молчании.

Бэк дернул вправо, а затем сделал такой прыжок, точно хотел нырнуть, и постромки сразу вытянулись в струну; но тут же все его сто пятьдесят фунтов внезапно подались назад. Груз дрогнул, и из-под полозьев послышалось скрипение снега. Но воз не сдвинулся с места.

— Иди же! — крикнул Торнтон.

Бэк повторил тот же прием, но на этот раз в левую сторону. Скрипение снега перешло в визг, сани закачались, и полозья сползли с места на два-три дюйма в сторону. Таким образом сани отцепились от

удерживавшего их льда. Все присутствовавшие затаили дыхание, совершенно не веря своим глазам.

— Теперь вперед!

Команда Торнтона раздалась, как пистолетный выстрел. Бэк рванулся изо всех сил. В могучем напряжении все его тело съежилось в комок, мускулы вытянулись и задрожали под шерстью, точно живые существа. Широкой грудью он припал чуть не к самой земле, вытянув голову вперед и книзу, и бешено задвигал передними лапами, так что от его царапавших когтей на твердом укатанном снегу тотчас же образовались две параллельные канавки. Сани закачались, дрогнули и совсем уже готовы были сдвинуться с места. Вдруг Бэк поскользнулся одной лапой, и кто-то из толпы громко охнул. Затем после целого ряда напряженных попыток сани сдвинулись с места и подались вперед, не застревая на мертвой точке... сперва на полдюйма... потом на дюйм... на два дюйма... Тем временем усилия Бэка все уменьшались и уменьшались, и, когда сани, наконец, преодолели инерцию, он потащил их свободно вперед.

Присутствовавшие глубоко вздохнули, совершенно не заметив, что за минуту перед этим они не дышали вовсе. Торнтон побежал позади, все время подбадривая Бэка короткими ласковыми словами. Расстояние было измерено заранее, и, когда Бэк достиг вязанки дров, брошенных на то место, где кончались сто ярдов, волнение прорвалось наружу и превратилось в рев толпы. У вязанки Бэк остановился по команде. Все точно с ума сошли от восторга, даже Мэттьюсон. Шапки и рукавицы полетели в воздух. Начались рукопожатия — кто кому жал руку, неизвестно, — и всеобщее возбуждение вылилось в настоящее вавилонское столпотворение.

А Торнтон опустился на колени перед Бэком. Голова к голове — и оба закачались из стороны в сторону. Те, кто успел застать эту сцену, могли слышать, как он бранил Бэка, бранил его долго и горячо, но только ласково и любовно.

— Отлично, отлично, сэр! — вдруг опять забормотал король из

Скукум-Бенча. — Я предлагаю вам за собаку тысячу долларов. Тысячу, сэр! Ну, хотите тысячу двести?

Торнтон поднялся. Его глаза были влажны. Слезы откровенно струились по щекам.

— Нет, сэр! — ответил он золотому королю из Скукум-Бенча. — Можете убираться к черту. Это все, что я могу ответить на ваше предложение.

Бэк вцепился зубами в руку Торнтона. Тот раскачивал его вперед и назад. И, точно повинувшись одному и тому же побуждению, все зрители отступили на почтительное расстояние. Никто не решался больше нарушать безмолвную беседу собаки и человека.

VII

Звуки призыва

Когда Бэк за пять минут выиграл для Джона Торнтона тысячу шестьсот долларов, то у его хозяина появилась возможность уплатить долги и отправиться вместе с товарищами на Восток, к той сказочной, затерявшейся где-то золотой россыпи, история о которой так же стара, как и история всего того края. Многие люди искали ее; немногим удалось ее найти; еще больше людей пропало без вести в неудачных поисках. Эта затерявшаяся россыпь была связана с какой-то трагедией и окружена тайной. Никто не знал, кто первый открыл ее. Самые старые предания уже говорили о совершившемся открытии. Издавна там находилась какая-то старая, развалившаяся хижина, и умиравшие клялись, что видели ее и самую россыпь, и что эта хижина была поставлена там нарочно, чтобы отметить местонахождение золота; при этом они подкрепляли свои клятвы тем, что показывали самородки, равных которым по величине и по качеству никогда не находили на всем земном шаре.

Но никто из живых людей не добрался еще до этой хижины сокровищ, а все мертвые были мертвы. Поэтому-то Джон Торнтон, Бэк, Пит и Ганс пустились с полдюжиной собак на Восток, в неизвестные края, туда, где и люди, и собаки, так же как это было и до них, обманывались в своих ожиданиях. Они проехали на санях семьсот миль вверх по Юкону, свернули влево к реке Стюарт, прошли Мэйо и Мак-Квещен до тех самых мест, где река Стюарт становится простым ручейком, обвивающим, точно нитка, торчащие пики скал, которыми заканчивается горный хребет, идущий вдоль всего континента.

Джона Торнтон мало беспокоили люди и природа. Он был не из трусливого десятка. С щепоткой соли и с ружьем за плечами он мог забраться в любую даль и плушь и чувствовать себя там превосходно.

Точно индеец, он никогда не спешил и добывал себе ежедневно пропитание охотой; когда же ему не удавалось что-либо убить, он так же, как и индеец, продолжал свое путешествие дальше, в твердой уверенности, что рано или поздно он набредет на дичь. В этом великом путешествии главную пищу составляла убиваемая по дороге дичь, главный груз на санях — вооружение и необходимые инструменты, а времени было сколько угодно, до бесконечности.

Бэку доставляли невыразимое удовольствие охота, рыбная ловля и бесконечное блуждание по диким местам. Случалось так, что неделями, день за днем, они все шли и шли вперед; а бывало и так, что также по неделям они не трогались с места, располагаясь лагерем то тут, то там; собаки бездействовали, а люди бурили дыры в промерзлой земле и бесчисленное количество раз грели на огне и промывали в тазу грязь, в которой надеялись найти золото. Иногда они чуть не умирали с голоду, иногда роскошно пировали — все зависело от большей или меньшей удачи на охоте.

Наступило лето. Собаки и люди с узлами на спинах переплывали через глубокие горные озера и спускались вниз или поднимались вверх по неведомым речкам в утлых челноках, наскоро выдолбленных из стволов деревьев.

Приходили и уходили месяцы, а путники все еще бродили по дикой, беспредельной земле, куда ни разу не ступала нога человека, если не считать сказки о покинутой хижине. Они проходили большие пространства под летними ливнями с ледяной крупой, дрожали под полуночным солнцем от холода на обнаженной земле в тех местах, где проходит граница между чахлой растительностью и вечными снегами, спускались в теплые долины, в которых кишмя кишели мухи и комары, и где, несмотря на нависшие ледники, росла земляника и пестрели цветы, крупные и свежие, с которыми не могли бы соперничать даже детища Юга. К концу года они проникли в изумительную озерную страну, грустную и молчаливую, где, казалось бы, должны были водиться птицы, но не было и признака жизни — один только холодный, вечно дующий ветер, груды льда в защищенных местах да меланхолический всплеск волн о пустынные берега.

И вот уже вторую зиму проводили путники, отыскивая исчезнувшие следы тех людей, которые побывали здесь раньше. Однажды они действительно напали на тропинку, бежавшую в лес; это была очень старая тропа, и оставленная хижина стала казаться реальной. Но тропа эта неведомо где начиналась и неведомо где кончалась. Так и осталось загадкой, какие люди и для чего ее протоптали. В другой раз они набрали на потемневшие от времени обломки охотничьего шалаша, и между ключьями истлевшего одеяла Джон Торнтон нашел части кремневого ружья. Он признал в них ружье Компании Гудзонова залива первых времен эксплуатации Северо-Западного края, когда подобное ружье считалось еще настолько ценным, что его меняли на выделанные бобровые шкурки. Это было все. Ни малейшего указания на то, кто был тот человек, который выстроил эту хижину и оставил в ней среди ключьев одеяла свое ружье.

Опять вернулась весна, и на этот раз их странствования завершились тем, что они набрали не на оставленную хижину, а на неглубокое озеро среди обширной равнины, по краям которого, точно желтое масло на дне корыта, лежало золото. Они не стали искать далее. Каждый день они работали, добывая на тысячи долларов золота в виде чистого песка или самородков, и работали не покладая рук. Они ссыпали золото в мешки, сшитые из оленьих шкур, по пятидесяти фунтов в каждом, а мешки складывали в штабеля, точно дрова, около выстроенного наспех шалаша из сосновых ветвей. Они работали, как гномы, добывавшие себе сокровища, и дни мелькали за днями, точно во сне.

Собакам нечего было делать — разве только притащить ту дичь, которую убивал Джон Торнтон, — и для Бэка потянулись длинные часы безделья у огня. Видение коротконогого волосатого человека стало нередко возвращаться к нему, особенно теперь, когда нечего было делать; очень часто, уставившись на огонь, Бэк блуждал в своем воображении с этим человеком по неведомым для него местам. Он смутно что-то припоминал, но знал, что не видел никогда ни этого человека, ни этих мест.

Неясный иной мир, пожалуй, даже пугал Бэка. Когда ему представлялся волосатый человек спавшим у костра, положившим голову

на колени и обнявшим их руками, то он замечал, что этот сон был беспокоен; человек часто вздрагивал и пробуждался, боязливо вглядывался в темноту и подбрасывал дрова в огонь. Если шли они по берегу озера, где волосатый человек подбирал раковины и ел их содержимое, Бэк непрерывно озирался по сторонам, всюду предчувствуя скрытую опасность, каждую минуту готовый бежать, когда она вдруг появится. Пробирались ли они через лес, Бэк и вот этот самый волосатый человек, они старались делать это бесшумно, все время оставаясь настороже, двигая ушами и шевеля ноздрями, потому что у человека были такие же слух и чутье, как и у Бэка. Волосатый человек умел влезать на деревья и пробираться по их вершинам так же, как и по земле; хватаясь руками то за одну ветку, то за другую, он перепрыгивал с дерева на дерево на расстоянии десяти-двенадцати футов, то идя, то повисая в воздухе, но никогда не падая и не срываясь. Он чувствовал себя на деревьях так же свободно, как на земле. И Бэк смутно припоминал те ночи, когда он сторожил, сидя на земле внизу, а волосатый человек спал в это время на вершине дерева, крепко уцепившись руками за ветви.

Что-то родное чувствовалось Бэку в этом волосатом человеке в связи с тем непобедимым призывом, который доносился до него все это время из плубины леса. В нем росло неугомонное беспокойство, назревали страстные желания. Лесной призыв заставлял его испытывать неведомую, сладкую радость, и в то же время Бэка наполняли страхи и опасения, но чего надо было бояться, он не знал и сам. Иногда он следовал этому призыву, входил в лес, искал что-то, точно потерянную вещь, тихо или громко лаял, в зависимости от того, какое было у него настроение. Он совал свой нос в холодный лесной мох или в черную землю, из которой торчала жесткая трава, и визжал от радости, чуя ее запах; или же он часами лежал, свернувшись меж упавших стволов деревьев, поросших белым мхом, точно скрываясь от кого-то, и, широко раскрыв глаза и насторожив уши, прислушивался к каждому долетавшему до него звуку. Возможно, что, лежа так, он подстерегал этот таинственный зов, которого не мог себе объяснить и ему самому было непонятно, почему именно он стал так поступать. Его влекло к этому, и он не мог отдать себе отчета ни в чем.

Непреодолимое влечение овладевало всем его существом. Вот он

лежит в лагере, лениво греясь на солнце, и вдруг голова его приподнимается, уши настораживаются, он нюхает, прислушивается, вскакивает и пускается бежать без оглядки, все дальше и дальше, через открытые пространства и сквозь лесные чащи, откуда как будто высовываются ему навстречу загорелые лица неведомых людей. Он любил бегать по высохшим руслам рек, подстерегать и выслеживать птиц на деревьях. Иногда целыми днями он просиживал под каким-нибудь кустом и наблюдал оттуда, как перекликались и перелетали с места на место куропатки. Но особенное удовольствие доставляло ему бегать в прозрачные сумерки белых летних ночей, прислушиваться к невнятным и сонным бормотаниям леса, различать звуки и всякие приметы так, как человек читает книгу, и разыскивать то таинственное, что его упорно звало во сне и наяву, не давая на минуты покоя.

Однажды ночью он вскочил с широко раскрытыми глазами, с шевелившимися ноздрями; вся шерсть на нем встала дыбом. Из леса доносился призыв (пожалуй, только одна из его нот, ибо весь призыв включал в себя великое множество нот), такой ясный и отчетливый, каким не был еще никогда, — протяжный вой, похожий и в то же время не похожий на вой ездовой собаки. Он слышал этот вой и раньше, не обращая на него особого внимания. Он перепрыгнул через хозяина и его товарищей, в это время крепко спавших, и молча помчался к лесу. Приблизившись к тому месту, откуда доносился вой, он пошел тише, соблюдая осторожность в каждом своем движении, пока, наконец, не достиг открытого места среди деревьев. Оглядевшись, он вдруг увидел вытянувшегося на всех четырех ногах и задравшего морду кверху большого тощего лесного волка.

Бэк не произвел ни малейшего шума, но волк перестал выть и, по-видимому, почуял его приближение. Бэк шел открыто, наполовину съехившись, напрягши все свое тело, вытянув хвост, как палку, и с непривычной осторожностью переставляя ноги. Каждое его движение заключало в себе и угрозу, и предложение дружбы. Это было тем угрозавшим подходом, с каким обыкновенно встречаются дикие звери. Волк испугался и пустился бежать. Бэк последовал за ним дикими прыжками, с безумным желанием догнать его. Он загнал его в узкое пространство, в ложе пересохшего ручья, откуда не было выхода. Волк

завертелся, заметался, стал приседать на задние лапы, как это делали Джо и другие собаки, когда им некуда было выскочить, завизжал, заскулил и быстро-быстро, непрерывно защелкал зубами.

Бэк не напал на волка, а только кружил около него, предлагая ему свою дружбу. Волк же оказался подозрительным и трусливым — да оно и понятно, потому что Бэк был чуть ли не втрое крупнее его; голова волка едва касалась плеча Бэка. Улучив момент, волк бросился бежать, и погоня возобновилась. Волк опять был загнан в угол, и опять повторилось то же самое. В конце концов настойчивость Бэка восторжествовала. Убедившись, что Бэк вовсе не намерен его обидеть, волк повернул к нему нос к носу и стал его обнюхивать. Затем они почувствовали себя друзьями и стали играть, но нервно и нерешительно, как обыкновенно играют между собой дикие звери, стараясь скрыть свою жестокость. Потом, спустя некоторое время, волк бросился бежать легким галопом, с таким видом, точно куда-то спешил. Он поманил за собой Бэка, и они побежали уже рядом сквозь полуночные сумерки вверх по руслу речки, к тому ущелью, сквозь которое она протекала, и по тем пустырям, откуда она текла.

На противоположной стороне водораздела они спустились в низкую долину, по которой тянулись длинные полосы лесов и текло много ручьев, и час за часом бежали по этим лесам, — а солнце поднималось все выше и выше, и день становился все теплее. Бэк испытывал дикую радость. Теперь он знал, что повиновался таинственному призыву, совершая этот побег бок о бок со своим лесным братом к тому месту, откуда доносился до него призыв. Воспоминания о былом нахлынули на него и волновали его так, как когда-то в старину он волновался от действительности, тенью которой они были. Он уже проделывал когда-то все это, что делал сейчас, но где-то в другом, туманном мире, который смутно припоминался ему; он теперь лишь повторял вновь какой-то древний бег, стремясь к свободе, на все четыре стороны, имея под собой сырую землю, а над собой — широкое безграничное небо.

Они остановились у ручья, чтобы напиться, и Бэк вдруг вспомнил о Джоне Торнтоне. Он сел. Волк побежал далее к тому месту, откуда как будто доносился призыв, затем вернулся к Бэку, понюхал его в нос и

сделал два-три движения, заставляя его встать и вновь бежать за ним. Но Бэк отвернулся и медленно поплелся назад. Чуть не час рядом с ним бежал его дикий брат и тихонько скулил. Затем он сел, задрал нос кверху и завыл. Это был горестный вой, и по мере того как Бэк отходил все дальше и дальше, этот вой становился все слабее и слабее, пока, наконец, не затих.

Джон Торнтон уже обедал, когда Бэк возвратился домой и бросился к хозяину с выражением своей привязанности. Он чуть не свалил его, прыгал около него, лизал ему лицо, кусал руку, — одним словом, как это называл Джон Торнтон, «валял дурака». А Торнтон качал Бэка из стороны в сторону и любовно его ругал.

Два дня и две ночи Бэк не оставлял лагерь и не сводил глаз с Торнтона. Он следовал за ним во время работ, смотрел на него, когда он ел, наблюдал, как он укрывался на ночь одеялом и как пробуждался утром. Но прошли эти двое суток, и призыв из леса стал звучать еще более повелительно, чем прежде. К Бэку опять вернулось его беспокойство, и воспоминания о диком брате, о веселых долинах и о беге бок о бок с ним через дремучие леса овладели всем его существом. И опять он отправился в свои похождения по лесу, но дикий брат больше не являлся, и, как Бэк ни прислушивался, как ни выстаивал долгие часы на одном месте, до него ни разу не донесся жалобный вой.

Бэк стал спать по ночам не в палатке, а на воздухе, и по целым дням его не видели в лагере, а однажды он убежал очень далеко, пробродил где-то целую неделю в напрасных поисках свежих следов своего дикого брата, питаясь по дороге дичью и не чувствуя ни малейшей усталости. В широком потоке, который впадал где-то далеко в море, он поймал лосося и тут же, у потока, загрыз большого черного медведя, ослепленного комарами. В беспомощном состоянии медведь дико ревел и был ужасен. Между ним и Бэком произошла жестокая борьба, которая пробудила в Бэке дремавшие остатки жестокости. Два дня спустя, когда он вернулся к своей жертве, он нашел около нее с дюжину росомех, дравшихся между собою из-за добычи. Он разогнал их, точно овец. А тех двоих, которые отстали от своих убежавших товарищей, он навсегда лишил возможности драться.

Кровожадность Бэка усиливалась. Теперь он был хищником, питавшимся сырым мясом. Он жил за счет чужих жизней, и при этом убивал один, без всякой посторонней помощи, полагаясь только на свои силы и храбрость и торжествуя над врагами так, как может торжествовать только сильнейший. Благодаря этому он стал гордиться собой, и его гордость находилась в прямой связи с его физической силой. Она проявлялась у него во всем: в его движениях, в игре каждого мускула, в манере себя держать, в блеске его шерсти. Если бы не темные пятна на морде и под глазами и если бы не белые волосы, полосой сбегавшие у него на груди, то его можно было бы по ошибке принять за гигантского волка, более крупного, чем самый громадный волк. От своего отца сенбернарской породы он унаследовал величину и вес, а овчарка-мать наделила его своей внешностью. Его морда походила на волчью, а голова была совсем как у волка, только несколько шире и массивнее.

Чутье Бэка было чисто волчьим, настоящим чутьем дикого зверя; его понятливость была унаследована им от сенбернара и от овчарки; если прибавить еще к этому тяжкий опыт, вынесенный им из суровой жизненной школы, то получился зверь не хуже любого другого, бродившего в пустыне. Хищное животное, все время питавшееся исключительно сырым мясом, он был теперь в полном расцвете своих сил, достигнув высшей точки своего развития и мужественности. Когда Торнтон ласково проводил рукой по его спине, то от соприкосновения с шерстью раздавался треск, так как каждый волосок давал искру. Каждая часть Бэка в отдельности — мозг и тело, нервная система, малейший фибр — достигла в нем высшего совершенства; во всем теле было какое-то равновесие, какая-то общая приспособляемость. На взгляд, звук или жест, требовавшие от него исполнения, он отвечал с молниеносной быстротой. Если обыкновенная ездовая собака всегда была способна немедленно защищаться от нападения или нападать сама, то Бэк отличался этим вдвойне. Он замечал малейшее движение, слышал малейший звук и отвечал на них прежде, чем всякая другая собака успевала сообразить, в чем дело. Он примечал, решал и отвечал в один миг. Все эти три действия — наблюдение, решение и ответ, — как известно, последовательны, но для Бэка промежутка между ними не существовало, — они происходили одновременно. Его мускулы были обременены избытком жизни и во время работы натягивались, как

стальные пружины. Жизнь разливалась по всему его существу великолепным потоком, радостным, неудержимым, так что казалось, что вот-вот в шумном экстазе этот поток вырвется наружу и щедрыми струями потечет по свету.

— Никогда не было такой собаки, — сказал однажды Джон Торнтон, когда его приятели обратили внимание, с каким достоинством Бэк шествовал по лагерю.

— Когда его отливали, — ответил Пит, — то самая форма, должно быть, не выдержала и раздалась по швам.

— Черт возьми, и я того же мнения, — добавил Ганс.

Все видели, как Бэк шагал по лагерю, но ни один из них не мог увидеть той мгновенной и страшной перемены, которая происходила с ним, как только он попадал в лес. Там он не шагал. Там он становился диким зверем; как лесная кошка, он подкрадывался к чему-либо подозрительному, пробирался сквозь листву и выслеживал тень, которая то появлялась, то исчезала среди других теней. Он знал, как приспособиться ко всякой поверхности, умел ползать на животе, как змея, извиваться и нападать. Он мог стащить тетерева с дерева, схватить кролика во время его сна за уши и поймать в воздухе маленьких свиристелей, только на одну секунду опоздавших взлететь на дерево. А о рыбах в прозрачной воде нечего и говорить; даже бобры не успевали спастись от него под свои плотины. Но он убивал только для того, чтобы есть, а не из простой кровожадности. И он ел только то, что убивал сам. Что-то вроде забавы было в его подвигах. Ему доставляло удовольствие подкрадываться к белкам, ловить их поодиночке и затем, перепугав чуть не до смерти, отпускать на вершины деревьев.

К концу года в лесу стали попадаться лоси, которые медленно передвигались на зимовку в более низкие и менее холодные места. Бэк уже загрыз одного лосенка; но ему хотелось более матерого и более страшного противника, и он отправился однажды на водораздел к истокам речки. Стадо лосей голов в двенадцать перекочевывало в это время из-за

Полярного круга, и впереди шел вожак — громадный самец. Он был шести футов ростом и представлял собой страшного противника, какого даже и не воображал себе Бэк. Лось раскачивал взад и вперед своими громадными ветвистыми рогами, на каждом из которых было по четырнадцать отдельных рожков, а между крайними верхушками обоих рогов было пространство в семь футов. Его маленькие глазки светились гневом и злобой, и, увидев Бэка, он яростно заревел.

В боку у лося, ближе к груди, торчала оперенная стрела, которая, собственно, и доводила его до бешенства. Руководимый сохранившимся в нем от первобытных охотничьих времен инстинктом, Бэк прежде всего задумал отбить вожака от остального стада. Это оказалось нелегким делом. Он стал лаять на лося и прыгать перед ним, стараясь увернуться от его рогов и от ужасных ударов копытами, один взмах которых мог бы уложить Бэка на месте. Потеряв возможность ввиду грозившей опасности повернуться задом и уйти, лось рассвирепел. Он набрасывался на Бэка, который ловко увертывался от него, еще более подзадоривая его тем, что будто бы неспособен от него убежать. Когда лось отделялся от своего стада, два или три других молодых лося выходили против Бэка и тем давали возможность раненому самцу соединиться со стадом.

Животное обладает особым терпением — упрямым, неустанным, настойчивым, как сама жизнь, — которое в продолжение многих часов заставляет паука неподвижно подстергать свою добычу в паутине, змею — лежать для той же цели в кольцах, пантеру — в засаде. Этим терпением отличается все живое, когда ему требуется в пищу другое живое. Это же терпение проявил теперь и Бэк, когда принялся пугать все стадо и сбивать его с направления, раздражать молодых самцов, беспокоить коров с их телятами и отгонять от них старого раненого вожака, безумствовавшего от бессильной ярости. Это продолжалось полдня. Бэк как-то ухитрился будто раздваиваться, атакуя стадо со всех сторон, оцепляя его угрозами, отбивая намеченную им жертву от ее сородичей всякий раз, как только она получала возможность с ними соединиться, и лишая их и того терпения преследуемых, которое не составляет обычно и сотой доли терпения преследователей.

К концу дня, когда стало заходить солнце на северо-западе (опять дни делались короче, и ночи продолжались уже шесть часов), молодые лоси стали все более и более отходить от своего осажденного вожака. Приближавшаяся зима гнала их в более низкие места, и им стало казаться, что уже никогда больше они не отделаются от этого неумоимого существа, которое мешает им идти. К тому же дело касалось жизни не всего стада и не молодых самцов — им не угрожал никто. Дело шло о жизни одного сотоварища, который представлял гораздо меньший интерес, чем их собственная жизнь, — и в конце концов они решили им пожертвовать.

Спустились сумерки, а старый вожак все еще стоял, понунив голову и плядя на своих сородичей, — на коров, которых он любил, на телят, для которых он был отцом, на молодых лосей, над которыми он властвовал, — как они убегали от него во мраке вечера. А он не мог за ними следовать, потому что у самого его носа неотвязно вертелось безжалостное чудовище, которое не позволяло ему уходить. Он весил на триста фунтов более, чем полтонны; он прожил долгую, суровую жизнь, полную лишений и борьбы, — и вот наступал его конец, он стоял лицом к лицу со смертью. И кто же был этому причиной? Небольшое зубастое существо, едва доходившее ему до колен.

С тех пор всю ночь и весь день Бэк не оставлял своей добычи; он не давал ей ни минуты покоя, не позволял ей пожевать ни листьев, ни побегов березы и ивы. Он мешал раненому лосю, изнемогавшему от жажды, промочить себе горло из какого-нибудь ручейка или ложбинки. Часто, в отчаянии, лось вступал с ним в продолжительную борьбу. В таких случаях Бэк не пытался останавливать его, но начинал вертеться у него под ногами, довольный затеянной им игрой, состоявшей в том, что когда лось стоял спокойно, то ложился на землю и Бэк, а когда лось собирался напиться или поесть, то Бэк яростно бросался на него в атаку.

Громадная голова с ветвистыми рогами опускалась все ниже и ниже, и неуклюжая походка лося становилась все слабее и слабее. Лось стал подолгу простаивать на одном месте, уткнувшись носом в землю и опустив уши, как тряпки; и Бэк пользовался такими промежутками, чтобы сбегать напиться и отдохнуть. В те моменты, когда Бэк лежал, высунув красный

язык, с глазами, устремленными на громадное животное, ему начинало казаться, что поблизости во всем происходит какая-то значительная перемена. Он чувствовал вокруг себя какое-то странное волнение. Точно вместе с этим лосем сюда пришло множество других жизней. Как-то вдруг сразу заявили о своем существовании и лес, и река, и воздух. Мысль эта зародилась в нем самом не потому, что он видел, слышал или обонял, а благодаря какому-то другому, более тонкому чувству. Он ничего не услышал, ничего не видел и все-таки знал, что все кругом стало как-то совсем иначе, и что от этого все вещи получили новое назначение и новые имена. И он решил все это разузнать получше, как только покончит дело с лосем.

Наконец, уже к исходу четвертого дня Бэк окончательно доконал громадное животное. День и ночь он оставался затем около своей жертвы, ел ее, спал возле нее и часто обходил вокруг, затем, отдохнув и подкрепив свои силы, он отправился обратно к дому Торнтона. Он побежал легким галопом и несяся час за часом, ни разу не сбившись с пути, держа направление прямо к дому по совершенно незнакомым местам лучше и вернее, чем это сделал бы человек с компасом в руке.

Когда он так бежал, то все более и более чувствовал какое-то новое движение на земле. Кругом расстилалась жизнь, совершенно другая, чем та, какая обыкновенно оживала к лету. Об этом ему говорило уже не одно только неуловимое, таинственное чувство. Об этом громко заявляли птицы, болтали белки, даже сам ветерок нашептывал что-то. Иногда он останавливался и жадно втягивал в себя струи свежего утреннего воздуха, чуя в них весть, побуждавшую его бежать еще скорее. Какое-то щемящее предчувствие несчастья угнетало его. Точно случилось что-то непоправимое. Он пересек последний водораздел и, спустившись в долину, с большой предосторожностью стал приближаться к своему лагерю.

Еще за три мили до лагеря Бэк почуял чей-то свежий след, от которого зашевелилась и встала дыбом у него на затылке шерсть. След этот вел прямо к лагерю, к Джону Торнтону. Бэк заспешил, удвоив осторожность и быстроту и чуткий к массе мелких подробностей, которые открывали перед ним многое. Его обоняние угадывало картину того, как

кто-то живой проходил здесь, ступая пятками по земле, по которой он теперь бежал. Почему-то ему показалось, будто стих самый лес. Птицы смолкли. Белки скрылись. Только попадались по пути громадные наросты на засохших стволах деревьев, похожие по внешнему виду на серых людей.

Когда Бэк подходил так, точно вместо него ползла его тень, его нос вдруг невольно потянулся куда-то вбок, точно кто-то вдруг насильно схватил его и нарочно туда направил. Он пошел на этот новый запах и увидел в кустарнике Нига. Бедная собака лежала на боку мертвая, дотащившись сюда сама, и в каждом боку у нее было по оперенной стреле.

В ста шагах далее Бэк наткнулся на одну из ездовых собак Торнтонна, купленную им в Доусоне. Эта собака еще корчилась в предсмертных муках прямо на дороге, но Бэк прошел мимо нее, не останавливаясь. Из лагеря доносились звуки многих голосов, то затихавших, то усиливавшихся: это пели песни. Он подполз на животе к краю расчистки и увидел Ганса, лежавшего ничком и утыканного стрелами, точно дикобраз. Тогда Бэк бросился к шалашу, устроенному из сосновых ветвей, и то, что он увидел там, заставило дыбом подняться его шерсть на затылке и на плечах. Его охватил прилив неудержимой ярости. Не сознавая сам того, что он этим подал голос, он разразился громким яростным лаем. В первый раз за всю свою жизнь он позволил страсти взять верх над его хитростью и рассудком и только из великой любви к Джону Торнтону потерял голову.

Индейцы племени ихет плясали вокруг остатков шалаша, когда вдруг услышали этот страшный лай и увидели перед собой разъяренное животное, какого не видели ни разу. Это был Бэк, олицетворенный ураган ярости, бросившийся на них, чтобы их погубить. Он прыгнул на ближайшего к нему (это был их предводитель) и широко располосовал ему горло до самой гортани, откуда брызнули фонтаны крови. Бросив свою жертву, он кинулся на следующего и ему разгрыз горло. Ничто не могло его остановить. Он ворвался в самую середину дикарей, рвал их, кусал, разрывал на части, не останавливаясь в своих ужасных движениях ни на одну секунду и не обращая внимания на стрелы, которыми они его осыпали. И так непостижимо быстро проходило это нападение, и так тесно

индейцы сбились от него в кучу, что стали попадать стрелами один в другого; один из молодых индейцев с такою силой пустил свою стрелу в Бэка, что она, попав в его товарища, пронизала ему грудь насквозь и выскочила с другой стороны. Паника охватила ихетов, и они в страхе разбежались по лесу, убежденные в том, что встретились со злым духом.

И действительно, Бэк в это время представлял воплощенного дьявола, гнавшегося за индейцами по пятам и преследовавшего их, точно убегавших оленей. Это было роковым днем для индейцев. Они разбежались далеко по лесу, и только через неделю встретились в нижних долинах и сосчитали свои потери. А Бэк, устав от преследования, возвратился в опустевший лагерь. Там он нашел убитым Пита: бедняга лежал в своей постели, очевидно, захваченный врасплох, не успев еще проснуться. На земле чуялись следы отчаянной борьбы Торнтона, и Бэк обнюхал каждый камешек по пути к берегу глубокого пруда. На самом краю его, головою и передними лапами в воде лежала Скит, верная до конца. Самый пруд, тинистый и замутненный промывкой золота, содержал в себе то, что искал Бэк, то есть тело Джона Торнтона. Бэк проследил его шаги до пруда, но обратно от пруда они уже не попадались.

Весь день Бэк просидел на берегу или же в беспокойстве бродил по лагерю. Он знал смерть как прекращение движения, как выход живого существа из среды живых, и поэтому понимал, что Джон Торнтон не вернется. Это оставляло в нем большую пустоту, что-то такое, что походило на голод, но пустота эта причиняла боль, которую не в состоянии было заглушить даже принятие пищи. По временам, когда он начал созерцать трупы ихетов, он забывал об этой боли, и в такие минуты испытывал гордость, гораздо большую, чем когда-либо прежде. Он загрыз человека — это была самая благородная дичь, — и он загрыз ее по закону дубины и клыка. И он с любопытством обнюхивал трупы. Как легко все они умерли! Ведь гораздо труднее убить простую собаку, чем их! Право, все они не стоили бы ничего, если бы отнять от них их стрелы и дубины. Надо ли теперь бояться их, когда у них не будет стрел и дубин? Наступила ночь. Высоко над деревьями взошла луна и осветила землю так, точно это был смутный день. И с наступлением ночи, сидя и скуля около пруда, Бэк вдруг почувствовал в себе прилив новой жизни, совсем иной, чем та,

которую нарушили здесь индейцы. Он поднялся, прислушался и понюхал воздух. Издалека донесся до него чуть слышный, заунывный вой, за которым последовал вдруг целый хор такого же воя. Проходило время, и этот вой все приближался и становился громче. И опять Бэку показалось, что он уже слышал когда-то в древности эти звуки и теперь их припоминал. Он выбрался на середину площадки и стал прислушиваться. Это звучал призыв, многоголосый призыв, никогда еще так не взвинчивавший и не возбуждавший его прежде. И никогда раньше его не влекло так подчиняться этому призыву, как теперь. Джон Торнтон был мертв. Последняя связь оборвалась. Человека и его человеческих претензий на живое существо больше не существовало.

Гоня перед собой живую добычу — точь-в-точь, как Бэк недавно гнал индейцев, — целая стая волков, миновав поля и луга, реки и горы и выгнав целое стадо лосей, ворвалась вдруг в долину Бэка. Серым потоком ринулись они на засеку, залитую лунным светом. В самом центре ее, неподвижный, как статуя, сидел Бэк и поджидал их прихода. Они испугались его — таким тихим и крупным он им показался. Постояв минуту в нерешительности, самый матерый из них направил стопы к нему. Точно электрическая искра вдруг пронизала Бэка, и он схватил его за шею. Затем он остановился, как и до этого, без движения, а раненый волк в последней агонии корчился перед ним на земле. Три других волка последовательно испытали ту же судьбу и один за другим потянулись назад, истекая кровью, сочившейся из их горла и плеч.

Этого было достаточно, чтобы вся стая волков, в общей свалке охваченная одним и тем же пылом ненависти, бросилась на свою добычу. Но Бэк с необыкновенной быстротой и зоркостью не терял своей позиции. Поворачиваясь во все стороны на задних лапах, хватая зубами и отбиваясь, он во всех местах поспевал одновременно и всюду являлся неожиданно — так быстро он вертелся и так умело себя защищал. Чтобы не дать обойти себя с тыла, он был принужден податься назад к пруду, залезть в тину и через нее пробраться на высокую насыпь из щебня. Эту насыпь сделали люди, промывавшие здесь золото. Он выбрался на ее правый край и заработал отсюда, как из засады, окруженный водой с трех сторон и отражая врагов только перед собой.

Он так удачно отбивал атаку, что через какие-нибудь полчаса волки вынуждены были отступить с потерями. У всех у них были высунуты языки и при лунном свете ярко блестели белые клыки. Некоторые из них улеглись, вытянув вперед морды и насторожив уши; другие остались стоять, все еще подстерегая Бэка, а третьи лакали воду из пруда. Один волк, длинный, худющий, седой, не без осторожности выступил вперед и дружелюбно завилял хвостом. Бэк узнал в нем того дикого брата, с которым он когда-то пробежал вместе день и ночь. Волк тихонько поскулил, и, когда Бэк ответил ему тем же, они стали обнюхивать друг у друга носы.

Затем старый волк, сухошавый и весь в рубцах от драк, вышел вперед. Бэк сначала оскалил было зубы, не доверяя ему, но затем обнюхался и с ним. После этого старый волк сел в сторонке, уставился на луну и протяжно завыл. Сели вслед за ним и другие и тоже завыли. Теперь призыв уже безошибочно заговорил в Бэке. Он тоже сел и тоже завыл. Закончив выть, он вышел из своей засады, и все волки окружили его и стали полудружественно, полуподозрительно обнюхивать его. Вожаки подняли визг и бросились к лесу. Все волки, завизжав хором, последовали за ними. Бэк тоже побежал за ними, бок о бок с диким братом, и тоже завизжал.

На этом можно было бы и кончить историю о Бэке.

Не прошло и нескольких лет, как индейцы стали замечать, что среди волков произошла какая-то перемена. У некоторых из них появились на мордах и на головах странные темные пятна и вдоль груди белые полосы. Но что всего удивительнее, так это то, что индейцы были убеждены, будто вожаком волков стал нечистый дух в образе собаки. Ихеты боятся этого духа, потому что он гораздо хитрее, чем они сами, он безнаказанно в лютые зимы обворовывает их стоянки, утаскивает из их ловушек попавшуюся в них дичь, загрызает их собак и проводит за нос их ловших охотников.

И чем дальше, тем больше таких рассказней. Но бывает и хуже. Часто сами охотники не возвращаются домой, а был и такой охотник, которого товарищи нашли с перегрызенным горлом, причем вокруг него на снегу были следы от лап, гораздо более крупных, чем у волков. Каждую осень, когда ихеты начинают выслеживать лосей, они никогда не спускаются в одну заповедную долину. А их женщины становятся печальными всякий раз, как у их очага начнут разговаривать о том, что нечистый дух избрал эту долину для своего постоянного пребывания.

И каждое лето в этой долине появляется не нечистый дух, а некое живое существо, которого индейцы не знают. Это — громадный, с великолепной шерстью волк, похожий и все же не похожий на всех остальных волков. Он пересекает в одиночестве все веселые места и спускается к открытой расчистке между деревьями. Здесь из заплесневевших мешков, сшитых из лосиных шкур, желтым потоком вытекает золотой песок и падает на землю; высокий бурьян порос вокруг, и заросли травы стелются так густо, что желтый поток скрыт от дневного света. Здесь загадочный волк долго стоит в задумчивости и затем, испустив протяжный жалобный вой, отправляется обратно.

Но он не всегда бывает один. Когда наступают длинные зимние ночи и волки спускаются за добычей в долины, его можно видеть во главе их стаи, пробирающейся при бледном лунном свете или при ярком северном сиянии: он идет, гигант среди своих товарищей. И из его могучей груди вылетает вой; это — песня о том времени, когда вселенная была юна, и это — песня всей стаи волков.